

СЕТЬ КОНТАКТОВ ПЕТРА В ГОЛЛАНДИИ

РУССКИЙ ПОСОЛ БОРИС КУРАКИН

Второе путешествие царя в эту страну было целиком организовано его официальным представителем в Гааге князем Б.И. Куракиным (1676–1727). Петр не мог бы выбрать себе лучшего, более достойного спутника. В свое время он послал Куракина в Венецию изучать мореходное дело. Один из первых «петровских студентов», Борис Иванович был в отъезде с 1696 по 1698 г. В 1707-м его направили к папе римскому для переговоров о престолонаследии в Польше. На обратном пути он побывал в Венеции, Вене, Гамбурге и Голландии, исполняя дипломатические поручения. Сражался под Полтавой, однако награды не получил. В 1709–1710 гг. он побывал в Брауншвейге и Люнебурге, затем в Лондоне, а с 1711-го был полномочным министром при английском дворе и при голландских Генеральных штатах.

О пребывании Куракина в Гааге историк Якобиус Схелтема пишет: «Как ни мало, по стечению обстоятельств, удавалось с ним договориться, все же им чрезвычайно были довольны, поскольку поведением он от своего предшественника [Матвеева] весьма отличался. Меморандумы его были выдержаны в тоне учтивом и составлены не на плохой латыни, а на хорошем французском. За то время, что он провел в Гааге, вплоть до кончины Петра, мы смогли отыскать очень мало записок о свободе ввоза и вывоза товаров и не нашли никаких жалоб на самого посла или на кого-либо из его свиты. Он жил в нашей стране со всей пышностью и во всем вел себя в соответствии с достоинством своей должности»¹.

Дневник заграничных поездок Куракина, написанный по-русски, открывается следующими словами (на более чем сомнительном итальянском): «Путевой журнал, который я в первый раз начинаю писать обо всех явлениях моей жизни, кои случатся, и обо всех моих путешествиях по миру»². Первое из описанных путешествий он совершил через немецкие земли в Голландию (Амстердам, Роттердам, Лейден, Делфт, Арнем). Второе — через Краков и Вену в Италию (Флоренция, Рим) и обратно, с остановками в Гамбурге,

Лейдене, Амстердаме, Роттердаме, Антверпене и Брюсселе. Куракин проявлял большой интерес к религии, подмечая различия, но также и к политическим и экономическим реалиям тех или иных стран. Вот что говорит он об Англии и Голландии: «В нынешний век из европейских которой народ или область видим в славе, и в силе, и в почитании, — то есть Англия и Голландия, одна — корона, а другая — республика, от всех не токмо европейских, и других частей света потентатов и республик в почтении и славе. Но сия слава, честь и сила оным народам пришла от богатства, а богатство от ремесленных и купечества»³.

25 октября 1705 г. он впервые увидел Амстердам и описал его в дневнике так: город находится у моря, «во всех улицах пропущены каналы, так велики, что можно корабли вводить». «И по сторонам тех каналов так улицы широки, что в две кареты, в иных местах, можно ехать». Но на этом описание и кончается, ведь Амстердам русским уже достаточно известен: «И по улицам посажены деревья, однако ж много писать не буду, что многих бытность здесь была и ныне есть и сами видели, а и напрет сами будут видеть, а не видимые, от тех слышать: для того нынешних времен обычай имеют, каждый желает свету видеть, то пишу не всем посполито персонам, — тем, которым принадлежит, как принцам, графам и каждому шляхетству...»⁴.

Человек уже немало поездивший, Куракин часто сравнивал западные города между собой. Так, о ярмарке в Лейпциге он сообщает, что она крупнейшая в Европе, но сам город — «на кавалеров скушной гораздо». Что это означает, становится ясно из восторженного описания всевозможных развлечений для благородных особ, например, в Гааге: «Плезир гажской: Первое: как переменяются пополудне 3 часа квардия <так!> конная и пехота караулов. Другое: в каретах ездят... На вечер на осомлеи кумпаниями, так что с кем согласен, те с теми и осамлеи делают во всю неделю. <...> Схотбище поутру и ввечеру в кафейные дома, в которых и карты играют. Другим своим визиту отдавать. Публичная забава: комеди и опера»⁵.

Он побывал на верфях голландских Ост-Индской и Вест-Индской компаний, посетил амстердамскую биржу («нигде так жидов множество и богатых не видал» и «не сподеваюсь, нигде такого сходбища торговаго как тут») и академию в Утрехте, перечислив, чему там обучают: «Академия Утрехтская славная во всей Голландии, где учать медицине, математике, теологии, философии, юриспруденции, гистории, на лошадях, на шпагах, на бандире, танцовать, екзерциции солдатской и кавалерии; языков латинскому, греческому, италианскому, французскому, еврейскому, гишпанскому, аглинскому, немецкому, португальскому, арапскому и других языков. Тут-же анатомия дохтурская, только анатомии не так чинно

отправляется, как в Италии. Также и шталмейстер в ученье лошадей — все порядочно, только неапольская ученья всех тех наук военных лутче и порядошнее; а при школе лошадиной только видел студентов человек с пятнадцать, а лошадей всех с 20...»⁶.

В его дневнике сухие, деловые заметки (о расстояниях, местах ночевок, ценах) перемежаются целыми рассказами о достопримечательностях, нередко с его же комментариями. Не укрылась от него расчетливость голландцев: скажем, в Арнеме он заметил, что народ там не особенно гостеприимен, жаден до денег и норовит обманывать иностранцев («народ не приемлив, гораздо только ласковы к деньгам, так к форестерам грабительны»). Но и предприимчивость голландцев Куракин сумел оценить: в Амстердаме «купечество великое, которое в Европе больше всех считается и народ все живет торговый и вельми богатый — так, сподеваюсь, что нигде»⁷.

Дневник Куракина, одно из первых русских свидетельств о Западе в эпоху петровских реформ, полон языковых варваризмов, в особенности итальянских слов, то и дело коверкающих его русскую письменную речь. Некоторые западные реалии в его тексте искажены до неузнаваемости. Голландский стюйфер, мелкая монета, превращается в «штываль» или «штивель». Реформатов, приверженцев кальвинизма, Куракин называет «реформирами». Видные и знатные лица — «посполито персоны», религия — «релия», ассамблея — «осамлея». В одну итальянскую «читадинку», горожанку, он «инаморат», влюблен. Даже там, где можно было обойтись чисто русскими словами, использованы варваризмы: «променада», «а видел в том городе принципиальных вещей...», «магнифико живет», «приемной человек к форестиром [иностранцам] гораздо», «куриёзита», «весьма не контент [не доволен]» и, наконец, «рад возвратиться в патрию». В написании географических названий нет никакой последовательности, а иные беспощадно изуродованы: местечко Ло (Het Loo) — «Лов», Нарден — «Наргон»...

Этот поездивший по Европе, владевший многими языками дипломат представлял с 1711 г. свою страну в Гааге и оттуда координировал деятельность других русских дипломатов за рубежом⁸. Тогдашнюю Гаагу недаром прозвали «ярмаркой новостей, постоянным двором Европы политической и политиканствующей»⁹. О роли этого города в европейской политике Куракин пишет: «Здесь стечение отовсюду дел к интересам всех потенций [держав], бывают непрестанные предложения и проходят многие интриги»¹⁰.

В задачу Куракина входило склонить Генеральные штаты к позиции пророссийской, суля в награду торговое соглашение с Россией. Когда посол прибыл в Гаагу, там еще находился его предшественник, Андрей Артамонович Матвеев. Оба — гордые, честолюбивые, не желавшие друг другу уступать. Но царь больше доверял Куракину, поэтому весной 1712-го Матвеева отозвали в Россию.

Питер Стевенс ван Гюнт.
 Портрет кн. Бориса Куракина

С фактическим руководителем Голландии, великим пенсионарием Антони Хейнсюсом, который «любит другого видеть в делах и слове постоянна, негоряча, с флегмою, также и человека правдива»¹¹, новый российский посол поддерживал отношения самые тесные. Из Гааги он управлял на практике также консульством России в Амстердаме, основанным в 1707 г. Это означало, что агент Ван ден Бюрг, резидент Брантс и ответственный за продажу российских государственных товаров Осип Соловьев состояли под его, Куракина, началом¹². Иногда царь напрямую обращался к своему представителю в Гааге с важным поручением. К примеру, 8 июля 1720 г. Петр написал князю: «Присланной от вас архитектур фон-Вейн-Гарден, по нашему несчастью, умер, в чем нужду имеем великую. Для Бога, потрудись сыскать друга: необходимая нужда требует, и ежели доброва сыщешь, хотя до трех тысяч на год не пожалей обещать, только чтоб был добр»¹³.

Главные достижения Куракина на его посту — сближение России с Великобританией при короле Георге I, торговое соглашение между Россией и Голландией, тройственный договор Франции, Пруссии и России в августе 1717 г., мирные переговоры России со Швецией, которые привели к окончанию Северной войны (1721), и наконец, признание Генеральными штатами нового, императорского титула русского монарха. Когда во Франции в 1724 г. Людовик XV, став совершеннолетним, начал править сам, опытного дипломата Куракина послали в Париж. Но его попытки выдать царевну Елизавету Петровну за молодого французского короля провалились. Борис Иванович скончался в Париже 28 октября 1727 г. В должности посла его сменил его сын Александр.

Борис Куракин был женат на Ксении Лопухиной, младшей сестре первой жены царя. Здоровьем был слаб, то и дело страдал всяческими недугами, сам себя называл ипохондриком¹⁴. Петра сердило, что его свояк не стремился отличиться на воинском поприще. Князь сочувствовал скорее старым русским традициям и не особенно доверял реформам, предоставлявшим слишком много возможностей служилому дворянству за счет древних знатных родов. Он приспособлялся к новым временам, однако об исчезновении прежнего уклада жизни жалел. 14 сентября 1718 г. Куракин из Гааги писал царю: «Верность от многих лет прародителей моих дала мне пример служить верно и безпорочно вашему величеству»¹⁵. К распутству Петра, к его богохульству, пародиям на церковный обиход посол испытывал отвращение. В своей «Гистории о царе Петре Алексеевиче» он косвенно осуждает государя, высказываясь с одобрением о его сестре и противнице Софье: «Правление царевны Софьи Алексеевны началось со всякою прилежностью и правосу-

дием всем и ко удовольствию народному, так что никогда такого мудраго правления в Российском государстве не было»¹⁶.

Во время визита Петра в Париж Куракин жил там отдельно, а не в том особняке, где разместили всю свиту. Когда летом 1718 г. Борис Иванович поехал на воды в Спа, пошли слухи, будто он бежал, попав к царю в немилость из-за своей предполагаемой причастности к делу царевича Алексея¹⁷. Для того, чтобы завлечь беглого царевича в Россию, Петр, по некоторым сведениям, соби-рался использовать Куракина, но в конце концов отказался от этой идеи, поручив деликатное дело Петру Толстому (1653/1654—1729): возможно, он опасался, что князь не проявит по отношению к Алексею, своему племяннику по жене, достаточной жест-кости¹⁸. Вместе с тем царь ценил дипломата и предоставил ему как послу полную свободу действий. Куракина произвели в тайные советники, наградили за Амстердамский договор между Россией, Францией и Пруссией (1717) орденом св. Андрея Первозванного. Несмотря на аристократическое происхождение, посол подписывал некоторые свои донесения (после 1721 г.) смиренной форму-лой «Вашего Императорскаго Величества всеподданнейший раб князь Борис Куракин».

Хорошо образованный, европейски мыслящий человек, он знал латинский, французский и итальянский языки, отдал своего сына Александра учиться в Лейденский университет. Он тщательно сле-дил за своими расходами, сохранял финансовые расчеты как по выполнявшимся им официальным поручениям, так и по принад-лежавшим ему имениям в России. При этом он в Лондоне задавал банкеты, славившиеся во всем городе. Его целью было поддержи-вать честь и престиж родной державы, нередко на собственные средства! Повсюду в Европе его любили и уважали («особливую приемность и любовь в чужих от всех имел, нежели в своих кра-ях»)¹⁹. Герцог Луи де Сен-Симон (1675—1755), познакомившись с Куракиным в Париже в 1717-м, оставил в своих мемуарах его портрет: «Это был человек выдающийся, прекрасного сложения, хорошо сознававший величие своего происхождения, весьма ост-роумный, ловкий и образованный. Он достаточно бегло говорил по-французски и на иных языках; много путешествовал, был на войне, потом состоял при различных дворах. В нем еще чувство-вался русский, а его крайняя скупость немало портила его талан-ты»²⁰. Бесспорно, Куракин самый видным дипломат петровской эпохи²¹.

РУССКИЙ АГЕНТ ЙОХАННЕС ВАН ДЕН БЮРГ

Одним из помощников посла был голландец Йоханнес ван ден Бюрг (1663—1731). Поступив на российскую службу в 1704 г., он три года спустя был официально назначен царским агентом при Генеральных штатах и оставался им до самой смерти. Под его донесениями — подпись: «Вашего Всесветлейшего и Всевластительнейшего Царского Величества всепокорнейший и всеподданнейший слуга ван ден Бюрг». Задачи агента были весьма обширны.

Во-первых, он отвечал за прием на службу к царю голландских офицеров, матросов и всякого рода мастеров. Только с окончанием Северной войны эта практика заметно сократилась. Работников нанимали по контракту, составленному в 1708 г.: голландцы обязывались отработать в России три года, с возможностью продления срока еще на год. Часть жалованья выплачивалась на месте, в России, часть — в Голландии, оставшейся дома жене. При отъезде на работу контрактник получал подъемные в размере заработка за четыре месяца. Выплат порой приходилось ждать подолгу, так что дом агента время от времени осаждали сердитые жены уехавших. В нидерландском языке есть выражение «*de kluts kwijtraken*» (потерять голову, растеряться), происхождение которого народная этимология объясняет так: голландцы, мол, приходили к русским требовать заработанных денег, а те отвечали, что не могут найти ключа от денежного ящика; это магическое слово «ключ» повторялось столько раз, что голландцы его запомнили и превратили в «*kluts*».

Возвращаясь из далекой северной страны, служившие по контракту нередко жаловались, что платили им слишком мало, и начинали процесс против царского агента, который в таких случаях должен был держать ответ перед голландскими властями. 29 сентября 1716 г. ван ден Бюрг написал канцлеру графу Головкину: «От жен морских от меня принятых офицеров за неприсылкою денег досады от часу больше чинятца. И те люди в отчаянии; господин посол поопасаетца також в Амстердам приезжать, понеже они говорят, что его в том вина, что они денег не получают»²². Более того, в 1715—1716 гг. агент вынужден был даже скрываться в течение шести месяцев в Гааге от преследовавших его жен матросов: они требовали выплаты положенной им части жалованья мужей. А поскольку гостиницы в Гааге были слишком дороги, ван ден Бюргу пришлось снять там жилье («По приказу господ послов его царского величества как везде обыкновенно за мои поездки в Гагу и в другие места, и что я часто дела в отсутствии их управлять принужден был, такожде что я в 1715, 1716

6 месяцев в Гаге ради гонения матросских жен жил, и понеже в обер-жах тамо стоять зело дорого, того ради я тамо нанял двор»²³.

В Амстердаме с купцом Исааком Абарбанелом был заключен контракт на вербовку двух-трех тысяч голландских офицеров и матросов. В апреле 1717 г. купец дал знать ван ден Бюргу и вице-канцлеру Шафирову, что нанять такое количество матросов ему не удалось, ибо в тот год 200 судов отправилось в Гренландию на китобойный промысел²⁴. В ответ на это Петр распорядился взять на службу тысячу моряков в Гамбурге. Между тем условия найма стали строже: матросов брали только опытных; задаток им платили лишь после посадки на корабль; они обязаны были расписаться в получении денег (чтобы легче было привлечь их к ответственности, если сбегут); они должны были «иметь прилежание» и не подавать жалоб российским представителям в Голландии, ведь контракт заключали с фирмой голландской²⁵.

Но и сам царь, находясь в Голландии, усердно заботился о том, чтобы обеспечить Россию искусными мастерами²⁶. 26 декабря 1716 г. он приказал из Амстердама губернатору Петербурга Меншикову прислать «человек 40 ребят, кои б грамоте умели, для отдачи в ученье разным мастерствам. И чтоб были из простых, дабы работу лучше снести могли». «Также чтоб человека три, или четыре из них были умнее и которые б часть Математики знали, дабы их отдать в Англию учиться Математических Инструментов делать»²⁷. 12 февраля 1717-го государь потребовал прислать сюда четверых молодых людей, умеющих читать, для изучения ремесла плотницкого и кузнечного²⁸. 16 февраля он дал знать из Амстердама, что необходимо прислать в Голландию «ученика Юру с фабрики князя Юрия Щербатова», которая делала печные изразцы. Ученику предстояло совершенствовать свое мастерство в Делфте. Сопровождать же его должен был другой молодой человек, грамотный и способный помочь будущему мастеру в обучении²⁹.

В ходе своей поездки в Республику Соединенных Провинций Петр мог рассчитывать, кроме того, на голландца Дирка ван Амерса-младшего. Тот уже несколько лет проработал в России, а затем занялся вербовкой мастеров в Голландии³⁰. Это было необходимо, поскольку из тех его соотечественников, которые были наняты в эпоху «Великого Посольства» (1697–1698), очень многих пришлось отослать назад из-за их недостаточной квалификации.

Из Брюсселя царь сообщил генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину: «Шаутбенахт Паддон сюды прибыл, которого я немедленно отправил к вам. И понеже только два дни со мною был, невозможно было в такое короткое время рассмотреть, однакож, сколько мог видеть, человек добр, кажется, и не рассказчик, и служил много, также умеет и по голански...»³¹, а это в глазах Петра было важным досто-

инством. Он повелел нанять также умелого кузнеца и положить ему высокое жалованье, «но чтоб не стар был, дабы хотя мало мог навыкнуть языка нашего»³². Наконец, 27 июня 1717 г. из Парижа Петр дал знать своему послу в Копенгагене князю В.Л. Долгорукому о предстоявшем отходе из французского порта Гавр-де-Грасс в Петербург судна с сотней мастеров³³.

Лихорадочная деятельность русского государя и его агентов по привлечению специалистов в Россию не могла пройти незамеченной для прессы. Уже 31 июля в газете «*Амстердамсе Курант*» можно было прочесть сообщение из Парижа: «На прошлой неделе около 150 всякого рода художников и ремесленников, которые на определенных условиях обязались пять лет заниматься своими искусствами и ремеслами в России, отправились отсюда в Гавр-де-Грасс, чтобы их доставили в Петербург. Там им, по слухам, дадут место для застройки, и по прошествии пяти лет они смогут по собственному усмотрению либо остаться, либо возвратиться, а тем временем будут пользоваться свободой вероисповедания. Говорят, что в следующем месяце под началом некоего Ле Фора уедут еще 400 или 500, не считая нескольких редких швей — с целью принести туда [в Россию] новейшие моды».

В газете «*Антверпсе Пост-Тейдинге*» от 30 июля тоже появилось известие из Парижа: «Здесь господин Ле Фор, агент царя, нанимает многих мастеров во всякого рода искусствах и ремеслах на службу к этому монарху, на весьма выгодных условиях и на определенный срок. Утверждают, что число их превышает 6000, и в следующем месяце они отправятся отсюда в Руан, дабы оттуда их морем перевезли через Гамбург в Петербург». Из Амстердама та же газета 10 сентября сообщила: «Многие судовые плотники следуют, с разрешения нашего [голландского] правительства, в порты царя, чтобы строить военные суда».

На страницах «*Амстердамсе Курант*» от 24 декабря — информация из Брюсселя:

«Много ремесленников прибыло из Парижа, где они были наняты с тем, чтобы поселиться в Петербурге. Отсюда они направились в Голландию, дабы продолжить свое путешествие. Говорят, что среди них — несколько печатников и двое граверов и что всего нанято более 2000 ремесленников».

А 12 февраля 1718-го «*Антверпсе Пост-Тейдинге*» поместила сообщение из Гааги о том, что «царь Московии» «взял к себе на службу множество судовых плотников, которых переправит в свою страну для строительства кораблей».

Но и противники Петра не дремали. Еще в марте 1716 г. секретарь шведского посольства в Гааге выступил с протестом против широкомасштабной вербовки мастеров для России: «...Некий капитан Схелтинга, ради царя Московии, нанял здесь [в Голландии]

целых восемьсот матросов и унтер-офицеров и, дабы отвезти их вместе с военной амуницией в Петербург, зафрахтовал судно под названием “Святой Иоанн”. Секретарь просил Генеральные штаты «этой затее <...> соблаговолить воспрепятствовать»³⁴.

Другой задачей царского агента ван ден Бюрга было присматривать в Голландии за русскими студентами. Было их примерно 150. Большинство изучало судостроение, военное дело, архитектуру, живопись, медицину... Заниматься студентами было нелегко, и в этом агенту помогал Осип Соловьев, о котором речь еще пойдет ниже. Голландские специалисты не всегда охотно принимали к себе на обучение молодых людей из России, которые недостаточно владели нидерландским языком. Порой ван ден Бюргу приходилось раскошелиться, чтобы переубедить мастеров. Многие русские студенты опаздывали на работу, часто напивались, ходили к публичным девкам. В 1719 г. царь разрешил своему агенту действовать более жестко. «И если они [студенты] будут вести себя неподобающе, — грозил ван ден Бюрг, — они кое-что схлопочут; однако худшее уже позади»³⁵.

Но немало студентов оказались за границей фактически брошенными на произвол судьбы, и даже любимец Петра, чернокожий Абрам Ганнибал, учась во Франции на военного инженера, регулярно посылал слезные жалобы на нехватку денег³⁶. Впрочем, мало платили и тем, кто трудился на дипломатическом поприще: так, служивший в российском посольстве в Гааге Петр Микифоров подал в 1717 г. прошение о возвращении его в Петербург, ибо «от дороговизны здешних краев» и из-за задержки жалованья «для пропитания моего вошел в великие долги терплю крайнюю нищету и бедность, что, почитай, лишен всedневной пищи»³⁷.

Присматривая за студентами, агент должен был заботиться также о том, чтобы они благополучно возвращались на родину, а не оставались в Голландии, нанимаясь, к примеру, на суда Ост-Индской или Вест-Индской компаний, что рассматривалось русскими властями как измена³⁸. 2 июля 1717 г. канцлеру графу Головкину донесли об арестованном в Ростове некоем Андрее Никитине, который, по его собственным словам, «в меленхолии <так!> своей» бежал из Амстердама. Расследование показало, что он лгал и у него был поддельный паспорт, выданный в Гамбурге на имя Ивана Максимова. Арестованного обыскали, чтобы проверить, нет ли у него при себе украденных вещей или секретных документов. Было решено отослать его в Петербург, сказав ему, чтобы «ничего не опасался <...> и непотребные свои мысли отверг»³⁹.

4 июля 1717 г. агент ван ден Бюрг сообщил царю из Голландии:

«Я доносил Вашему Царскому Величеству о прибытии сюда восьми молодых людей из России для изучения ремесел; я даю им

пока возможность ознакомиться с голландским <так.> языком и ожидаю приказаний Вашего Величества на их счет. С тех пор явились сюда еще 69 человек из того же народа к г-ну Соловьеву, который тоже сделает о том донесение. При сем посылаю пакет с присланными мне г-ном Брюсом книгами для изучения русского и голландского языков. С принятием на службу матросов я продвигаюсь и нанял уже свыше ста человек...»⁴⁰.

То, что автор письма обращался напрямую к Петру, свидетельствует о том, какое доверие тот оказывал своему агенту в Голландии.

8 ноября ван ден Бюрг известил Петра о том, что «наконец всех молодых людей пристроил на работу».

«Но это стоило мне большого труда, ибо некоторым не очень хотелось работать, и они желали приходить на работу, когда им удобно, или другому ремеслу обучаться, и еще многое иное; и у мастеров тоже не было охоты. Однако я “по-русски” и “по-голландски”⁴¹ всё уладил, и все помещены к лучшим мастерам и должны только по воскресеньям приходить ко мне, чтобы получить свою долю денег и сказать, что у них еще не в порядке. Сейчас эти люди довольны, и мастера, у которых они живут, тоже довольны; и большинство уже может по-голландски читать, писать и говорить, и по вечерам они приходят к мастеру учиться. Но прошу Ваше Величество соблаговолить прислать несколько русских и голландских книг. Полагаю, что исход этого дела будет весьма благоприятный и Его Величество достигнет тем самым своей цели. Я и не думал, что с этими молодыми людьми так хорошо и быстро удастся все уладить»⁴².

Еще одной, третьей по счету, задачей ван ден Бюрга было информировать царя и его окружение о том, как обстояло дело с интересами России в Республике Соединенных Провинций и вообще о международной политике и дипломатии. Агент лично знал многих правящих лиц в Амстердаме и Гааге, включая самого пенсионария Хейнсиуса. Часть информации, которую агент передавал в Петербург, он черпал из газет, а часть — из секретных донесений, предназначенных для Генеральных штатов и попадавших к ван ден Бюргу через знакомых ему секретарей или служащих канцелярии, что было, разумеется, делом небезопасным⁴³.

Вместе с послом Куракиным агент должен был опровергать невыгодные для России сведения или предотвращать их распространение; если надо — путем подкупа. Так, в 1720 г. Куракин подал Генеральным штатам жалобу на негативные сообщения о его стране в газете «*Pomterdamse Курант*». Согласно этой жалобе, в номере от 12 августа издатель поместил в нескольких местах «неосмотрительные высказывания», «касающиеся главным образом Его Величества царя Московии». На «шокирующие пассажи» посол натывался также в газетах,

выходивших в Лейдене, Харлеме, Амстердаме⁴⁴. Речь в них шла, по словам Куракина, об «опасных болезнях Его Царского Величества; о завещательном распоряжении, которое им, как ложно предполагают, сделано <...>; о приписываемом Его Величеству намерении иметь в своей державе монахов римской веры, дабы ввести там религию латинян». В результате этого демарша газета перестала выходить!⁴⁵

Как утверждает голландский историк печати Мартен Шнейдер, газету «*Роттердамсе Курант*» власти вскоре на время закрыли «из-за оскорбления очень популярного тогда в Голландии Петра Великого»⁴⁶. Подобные меры против прессы были большой редкостью. «Это объясняется тем, что Генеральные штаты в Гааге не имели права вмешиваться во внутренние дела Республики. Можно было лишь передать полученную жалобу провинциальным штатам с просьбой направить ее дальше властям того или иного города. А те, со своей стороны, обладали значительной самостоятельностью и находились зачастую в позиции столь сильной, что могли просьбой провинциальных штатов пренебречь. Ни малейших санкций предусмотрено не было. Дипломатические жалобы и протесты против голландской прессы поступали почти каждый месяц. В некоторых случаях городские власти, которые и выдавали лицензию на издание местной газеты, требовали от издателя объяснений; если он обещал, что происшедшее не повторится, дело тем и кончалось. Да и трудно было таких ситуаций избежать: издатель или редактор целиком зависел от сообщений, поставляемых корреспондентами, а для проверки информации понадобился бы не один месяц. Так что ее просто печатали в той форме, в какой эту информацию прислал корреспондент. К тому же вплоть до XIX в. новости вовсе заимствовали из других местных или зарубежных газет, лишь изредка упоминая источник известия»⁴⁷.

В годы Северной войны царь пытался помешать распространению негативной информации о России не только в Голландии, но и в Германии⁴⁸. Хороший пример вмешательства русских в действия голландской прессы — история публициста Херманюса ван ден Бюрга (1682—1752). В своем сатирическом журнале «*Амстердамсе Аргус*»⁴⁹, в номере от 31 августа 1718 г., он пишет о Петре — в связи с судом над царевичем Алексеем и его кончиной — еще с восторженной похвалой:

«В могиле сей, читатель, — старший сын
Славнейшего царя, что ведала Россия,
Который и в веках останется живым,
Затем что к мудрости любовь — его стихия.
Столь жалкий сын у столь великого отца,
Его не стоил он, как и его венца»⁵⁰

Однако через несколько лет преклонение сменилось крайней непочтительностью, вызвавшей гнев русского посла. После сообщения в западной печати о том, что Петр вынужден был прервать свое пребывание в Астрахани из-за сильного запора, «*Амстердамсе Аргус*» опубликовал 10 июня 1722 г. сонет о том, как царя мучают газы:

«Что там стряслось? С чего так мрачен московит?
Что нынче смех татар натужен и невесел?
Что Петербург, унылый, голову повесил?
С чего кривит в ухмылке рот надменный бритт?»
Испугом поражен, торговли бог дрожит,
Меркурий духом пал, и сердцу не до песен.
Нет, случай сей не странен, не чудесен:
То бог ветров Эол в кишках царя сидит.
На помощь, *Эскулап!* — зывают человеки. —
Искусство приложи, обшарь ты все *аптеки*,
Дай *пропотеть* ему, поставь *клизтир*, промой.
Чтоб вышел бог ветров, ты прояви старанье:
Эола изгони ты мощным промываньем
Из живота царя российского долой!»

Представители России в Голландии потребовали запретить журнал. И хотя 22 июля в нем еще поместили длинный поэтический панегирик Петру, это уже не помогло — в августе «*Амстердамсе Аргус*» подвергли публичному сожжению. Один из конкурентов издателя, голландец Вейерман откликнулся на это так: «Никогда я в своих сочинениях не затрагивал ни одной державы, не то что автор еженедельного издания, называемого «*Аргус*», коего эпиграмма против царя Великой России была публично предана огню по просьбе господина Брантса, резидента сего монарха»⁵¹.

Время лечит. В 1743 г. в Харлеме вышло в свет прекрасное многоязычное «*Собрание избранных геральдических девизов, украшенное гравированными символами, нарисованными и вырезанными в свое время по приказу всесветлейшего императора всероссийского Петра Алексеевича, или Петра Великого, и ныне заново дополненное 840 пояснениями в стихах Херманюса ван ден Бюрга*»⁵². Об инциденте, произошедшем в 1722-м, здесь не напоминает ничто, и от какой-либо обиды наказанного когда-то публициста не осталось и следа.

Для агента Петра в Голландии Йоханнеса ван ден Бюрга это все были, по-видимому, заботы побочные. Его больше волновала торговля с Россией, и в этой торговле у него, как можно предположить, были собственные интересы. В его переписке регулярно упоминаются «наши кораблики» («Солнце», «Луна» и «Тунец»)⁵³. Из русских он чаще всего имел дело с кабинет-секретарем царя А.В. Макаровым, канцлером Головкиным, вице-канцлером Шафировым и, естественно, послом князем Куракиным. Ван ден Бюрг каждую

VERZAMELING
Van
UITGEKORENE
ZIN-SPREUKEN,
En
ZINNEBEELDIGE
PRINT-VERCIERINGEN,

Eertyds, op bevel van den aller doorlugtigsten Keizer der
Russen, PETER ALEXIS, of de Gróte,
getékent en gesnéden;

En nu op nieuws verrykt

Met agthondert en veertig Byschriften in Verzen,
Door

HERMANUS VAN DEN BURG.

Te H A A R L E M,
by JOHANNES MARSHOORN, Boekverkooper, 1743.

неделю отправлял длинные письма о своей деятельности Макарову, часто с копиями самому Петру. Головкин и Шафиров обращались к голландцу также с личными просьбами: прислать шампанского или шелковых нарядов или же поучаствовать в их пользу в голландской государственной лотерее. Приходилось ему и одалживать русским деньги, в том числе высоким сановникам, которые не считали нужным их возвращать⁵⁴.

Предшественник Куракина, посол Андрей Матвеев, отзывался о царском агенте в Голландии одобрительно: «человек доброй и трезвой и zelo к секретам надежной и крепкой»⁵⁵. По мнению историка В.А. Уляницкого, среди консульских агентов России за границей ван ден Бюрг был исключением⁵⁶.

РУССКИЙ АГЕНТ ОСИП СОЛОВЬЕВ

Йоханнесу ван ден Бюргу помогал Осип Соловьев (1678?—1746). Он вел в Голландии дела не только в интересах Российского государства, но и в своих собственных: покупал дома, корабли, спекулировал на Лондонской бирже. Он сколотил баснословное по тому времени состояние. Но царь уже в 1713 г. узнал о злоупотреблениях своего человека в Амстердаме и почти четыре года спустя, прибыв в Голландию, сам его арестовал.

Это скандальное происшествие не укрылось от зоркого глаза британского посла, который в конце августа 1717 г. донес своему правительству, что в Генеральных штатах «некоторые думают, что слишком много уже было сделано уступок его [Петра] нраву и претензиям и было бы разумнее обращаться с ним с большей твердостью и решительностью. Покидая Амстердам, царь совершенно неожиданно увез с собой на яхте некоего Соловьева, русского агента князя Меншикова, в доме которого [Соловьева] он [Петр] гостил. Так как не обошлось без применения силы, и этот человек уже сделался гражданином города, это возбудило в обществе большой ропот из-за того, что его просто тайно выкрали, но потом он вернулся, и предполагают, будто царь хотел только заставить его дать достоверный отчет о делах князя Меншикова и обо всем, чем тот владеет»⁵⁷.

Очевидно, «похищение» Соловьева вызвало в голландском обществе протест: «Я еще не слышал, — написал вскоре британский посол, — о прибытии царя в Везель, и русский агент г-н Соловьев не вернулся, как мне сообщили раньше. Царь увез его с собой, чтобы получше выведать у него мысли князя Меншикова, что вызывает здесь недовольство; и некоторые жители считают, что Генеральным штатам следовало бы потребовать его возвращения, по-

скольку он гражданин города Амстердам и был увезен силой в нарушение их территориальной неприкосновенности»⁵⁸.

В последний раз о деле Соловьева британский дипломат упомянул после отъезда Петра из Голландии: «Князь Куракин прибыл в Амстердам 15-го и ожидается здесь [в Гааге] сегодня вечером. Он попытался оправдать увоз г-на Соловьева перед местными городскими властями, заявив, что губернатор Архангельска, растратив около трех миллионов казенных денег, утверждает, будто передал их Соловьеву, а [так как] тот отрицает, что получил их, царь счел необходимым захватить его с собой, дабы свести их на очной ставке»⁵⁹. Не совсем понятно, всерьез или с иронией надо воспринимать короткое известие в голландской газете «*Эйрописе Меркюриус*» о том, что «царь *Великой России*» «господина Соловьева, весьма известного в *Амстердаме* своим благородным поведением и щедростью, увез, дабы использовать его острый ум в интересах *петербургской торговли*»⁶⁰.

В расходной книге Петра мы читаем: «Дано господину генералу адъютанту Нарышкину на наем почты и на протчие дорожные расходы, тогда как он вез Осипа Соловьева из Голландии до Питербурха за караулом, 120 червонных»⁶¹. Соловьеву хватило ловкости обеспечить себе статус гражданина Амстердама, и его бумаги, захваченные послом Куракиным, оказались в основном на нидерландском и немецком языках, так что в России их прочесть было трудно. Дело затянулось, хотя сам Петр находил, что Соловьев заслуживает смертной казни. Однако царь и в этом был непоследователен: то, за что одного приговаривали к смерти, другому прощалось. В конце концов никакого наказания Соловьев не понес, а после смерти императора, при Екатерине I, даже получил дворянство!⁶²

«Походный журнал», который вели в течение всей поездки Петра его секретари, кратко сообщает: «Его Величество был на загородном дворе у Франта и кушал там; и приехал в Амстердам к Соловьеву»⁶³. Подробнее его приезд к Соловьеву описан в газете «*Эйрописе Меркюриус*»:

«После того как Его Царское Величество 7 декабря покинул *Альтону*, он прибыл 17-го вечером на простой барже, которую специально для него наняли, очень тихо и незаметно из *Утрехта* в *Амстердам*, где высадился на канале *Кейзерсграхт*, наискосок от театра, перед домом господина Брантса, крупного *московского* купца, и там же и заночевал. На следующий же день он избрал себе для проживания дом господина Соловьева из *Москвы*, стоящий на канале *Херенграхт*, около улицы Вейзелстрат. Этот господин должен был освободить свое жилье и предоставить его в полное распоряжение Его Царского Величества, тогда как большая часть свиты разместилась на *Дворе гильдии аркебузирова*»⁶⁴.

ГОЛЛАНДСКИЙ КУПЕЦ КРИСТОФФЕЛЬ БРАНТС

Кристоффель Брантс (1664—1732) был видным торговцем, жил в Москве. В его большой дом в Немецкой слободе много раз приезжал пировать сам царь. Вероятно, Брантс сопровождал Петра во время его визита в Голландию в 1698 г., но оставался в тени. В начале следующего столетия он возвратился в Россию, затем вел с ней дела в качестве финансиста и важного поставщика оружия и одновременно состоял резидентом царя в Амстердаме. По слова Куракина, государь оказывал Брантсу «крайнюю милость и конфиденцию»⁶⁵.

Голландский путешественник Корнелис де Бруин, точнее де Брёйн, повстречал Брантса в 1701 г. в Архангельске: «Остававшееся у меня время я проводил в собраниях, устраиваемых господами *Кристоффелем Брантсом* и *Яном Люпсом*, которые изо всех сил старались меня развлекать. Там играли в карты, танцевали, ели и пили до поздней ночи, дабы возбуждать веселье, чему во многом способствовал господин Брантс, так как хорошо знал музыку и сам ею занимался, искусно играя на клавесине. В таких удовольствиях закончилось мое пребывание в этом городе»⁶⁶.

Поэт Клас Брёйн (1671—1732) воспел могущественного амстердамского коммерсанта Брантса в стихах. Купца, который «благодаря словением небес» и благодаря собственному усердию живет по королевски, на зависть другим, Брёйн противопоставляет тщеславной аристократии. Не забывает он восхвалить и Амстердам, где «в домах торговых короли растут»⁶⁷. Брантс был известен также как оптовый торговец речной рыбой⁶⁸. Говоря в другом месте о принадлежащем купцу в Голландии великолепном загородном доме, одном из богатейших на реке Вехт, тот же поэт восхищается умением Брантса «из рыбы золото извлекать»⁶⁹.

Этот загородный дом был построен архитектором Симоном Схейнвудом, но между 1816 и 1819 гг., к сожалению, снесен⁷⁰. Хозяин дал этому дому с садом название Петербург в знак благодарности своему августейшему другу и покровителю. Своды были украшены причудливым орнаментом в виде «геральдического замка, из которого выступала некая фигурка, по-видимому, царь Петр, в честь которого дом и был назван»⁷¹.

Когда в декабре 1716 г. Петр Алексеевич прибыл в Республику Соединенных Провинций, Брантс вместе с послом Куракиным отправился ему навстречу и приветствовал его раньше, чем представители Генеральных штатов. Из Амерсфорта купец сопровождал высокого гостя в Амстердам, где тот на несколько дней поселился в

доме Брантса на канале Кейзерсграхт. Петр и Екатерина несколько раз посещали также загородную усадьбу Брантса. Перед отъездом царя из Амстердама, в конце августа 1717-го, в ее саду состоялся большой праздник, который, по словам историка Хайо Брюгманса, превзошел «великолепием и пышностью все, что когда-либо представлял напоказ простой купец в нашей стране»⁷².

После этого праздника от сада мало что осталось, да и дом, возможно, пострадал⁷³. Царской свите особенно нравилось возить друг друга по саду на тачках и опрокидывать в кусты, служившие оградой⁷⁴. Издержки, связанные с пребыванием русских в Амстердаме, оказались невероятно высоки: 65 тысяч гульденов, и оплачивать их вынужден был главным образом сам Брантс⁷⁵.

Тут нельзя не вспомнить неприятного эпизода в истории первого заграничного путешествия Петра (1697–1698), когда он в Лондоне поселился в доме Джона Эвелина в Дептфорде, возле верфей. Царь и его свита устроили в доме и в саду настоящий разгром. Стулья и кровати они поломали, гардины сорвали, ковры запачкали, картины повредили, а сады Джона Эвелина — гордость и утешение владельца — выглядели после отъезда Петра, как поле битвы. Английскому королю пришлось возмещать несчастному хозяину ущерб, нанесенный высоким гостем. Как пишет британский историк-славист Энтони Кросс, «...Обновленный сад, который Джон Эвелин обустроил с такой заботой и гордостью и разрушение которого стало самым известным эпизодом в истории визита Петра в Англию»⁷⁶. Этот эпизод сыграл большую роль в формировании образа «великого царя» за границей.

Немало пострадал также дом, который предоставил царю в Амстердаме Соловьев. Домовладелец писал позднее, что «этот дом был сдан в наем Осипу Соловьеву, купцу и представителю Его Величества русского царя в Амстердаме, и случаю было угодно, чтобы вышеупомянутый русский царь во время своего пребывания в городе Амстердам <...> соизволил в нем [в этом доме] с частью своей свиты разместиться, вследствие чего вышеуказанные дом и усадьба оказались настолько повреждены, что [домовладелец] должен был потратить из своего кармана несколько тысяч гульденов на их ремонт и восстановление...»⁷⁷

Брантс был не единственным богатым купцом, которого Петр посетил, отдыхая на берегах реки Вехт. Побывал он, кроме того, в усадьбе Вейверхоф купца Самюэля Тейшейры (1656–?), португальского еврея, брата дона Бенъямина Тейшейры, барона де Борниваля⁷⁸. Там мастерство садовника произвело на царя такое впечатление, что он его с разрешения хозяина дома взял с собой в Россию⁷⁹. Понравились Петру и прекрасные сады загородного дома Кристиана ван Хука⁸⁰, и оттуда он, по преданию, тоже увез с собой садовника,

Усадьба агента Петра в Голландии «Petersburg»
(De Zegepralende Vecht... Амстердам, 1719)

который от имени хозяина преподнес гостю выращенный им, садовником, ананас⁸¹. К тому же хозяин дома экспериментировал с устройством фейерверка⁸², а русский государь это обожал.

Свое состояние Брантс сколотил, как уже сказано, на продаже оружия России. Вместе с другим торговцем, который вел дела в России, Яном Люпсом (1667—1738?), а также с купцом Арнольдюзом Диксом он приобретал в Голландии в больших количествах оружие и переправлял в Россию, что властями Республики запрещалось, а потому было делом столь же рискованным, сколь и выгодным⁸³. Особенно много вооружений было продано русским в годы, предшествующие решающей битве со шведами под Полтавой⁸⁴. В своем исследовании о контрабандной деятельности Брантса А.А. Клутстра приходит к выводу, что «без помощи Кристоффеля [Брантса] и его компаньонов царю не удалось бы так быстро организовать свою военную машину и с успехом противостоять Карлу XII»⁸⁵. Вполне естественно, что Петр не оставил такие важные услуги без награды. 17 августа 1717 г., находясь в Голландии, он пожаловал Брантсу дворянство, а 21 августа произвел его в надворные советники и назначил своим резидентом в Амстердаме.

Для этого русский монарх обратился с просьбой к Генеральным штатам. Текст в переводе с нидерландского языка гласит:

«Мы, Петр Первый, Божией милостью царь и вся Руси самодержец, и проч., и проч., объявляем всем и каждому, кого это касается, что для обеспечения и облегчения коммерции и во избежание всех оставшихся в памяти затруднений, признали полезным и желательным, чтобы для благополучия наших подданных, пребывающих в Голландии и особенно в городе Амстердаме, мы имеем проживающего там постоянно человека, опытного в этих вещах, верного и повинующегося нашим приказам, который во всех случаях и затруднениях нашим подданным и купцам надлежащим образом будет содействовать и оказывать помощь при Высокомочных [Генеральных штатах] и в особенности при президентах и бургомистрах города Амстердама, во всех делах, каковы бы они ни были, за них выступать ходатаем и заступаться, а равно и все наши дела и доверенные ему поручения выполнять.

И так как дошли до нашего слуха неуклонная верность и особая опытность в коммерции нашего возлюбленного Российской державы дворянина и надворного советника Кристоффеля Брантса, признали мы за благо назначить его нашим резидентом в упомянутом городе Амстердаме, как мы его сим открытым письмом все милостивейше на деле и назначаем, то обращаемся к высокомочным господам Генеральным штатам и президентам и бургомистрам города Амстердама, дабы они вышеназванного Кристоффеля Брантса признали нашим резидентом и всецело полно-

мочным во всех порученных нами делах, по которым он будет выступать, а также предоставить ему все привилегии и льготы, подобающие пожалованному ему нами рангу резидента, что и мы обязуемся в подобных случаях признавать.

Для скрепления сего мы сие наше открытое письмо собственноручно подписали и нашей царской печатью удостоверили.

Дано в Амстердаме 21 августа.

Петр

Гр. Головкин»⁸⁶

Просьбу царя уважили: «По получении и обсуждении послания Его Царского Величества, написанного в Амстердаме 21 августа сего года, с поручением господину Кристоффелю Брантсу, Российской державы дворянину и надворному советнику, исполнять должность резидента Его Царского Величества в Амстердаме, и с просьбой, чтобы Высокомочные [Генеральные штаты] соблаговолили признать упомянутого господина Брантса в вышеназванном качестве, одобрили и согласились господина Брантса принять и признать в качестве резидента Его Царского Величества в Амстердаме, при обычном условии, что это не освобождает его от тех обязанностей, которые лежат на нем как на подданном Высокомочных, а именно в отношении уплаты всех налогов и податей, обычных и чрезвычайных, как личных, так и имущественных, а также в отношении юрисдикции над его особой и семьей, по делам уголовным и гражданским»⁸⁷.

После отъезда Петра из Республики Соединенных Провинций Брантс продолжал играть ключевую роль в дипломатических и торговых сношениях между этой страной и Россией. Он выступал посредником при заключении и выполнении многих контрактов с голландскими ремесленниками, принятыми на службу к царю. Брантс искал и нанимал десятки мельников, кузнецов, каменщиков, садовников, ткачей, токарей, изготовителей солода, растительного масла, бумаги, типографских шрифтов... Об одном из нанятых им мельников, Антони Франсене, который из-за дефекта речи казался пьяным, он написал кабинет-секретарю Макарову:

«У этого мельника несколько невнятный выговор, и иной раз кажется, что он выпил, но все, кто его знает, уверяли меня в противном, равно как и сам он для пущей верности в нотариальном контракте присовокупил, что если из-за чрезмерного потребления напитков не сможет службу свою исполнять как подобает, то чтоб его без всякого снисхождения с оной службы уволили; так что не сомневайтесь: вести он себя будет во всех отношениях примерно. Я с упомянутым выше мельником договорился, что он три года обязательно и еще один год по желанию будет верно служить на месте Его Царскому Величеству, как ему будет приказано»⁸⁸.

De N I E U W E
HARLEQUIN,
 Met zyn
R A R E K I E K,

Vertoonende het Vuurwerk, dat 'er op den 9 en 10. December 1721. ter eeren van zyn Czaarsche Majesteit binnen de Stad van Amsterdam is afgeschooten.

Harlequin.
OK! wat moethum werk, en slaaf,
 Daar menik leef kelyk een kraaf,
 En kan hun kost kemaklyk winne;
 Ik moet sleep wat nieuws versinne,

En daar med betkaas myn Brood,
 Nou ep hum een Kas welkroot,
 En zo tray as ooyt myn daaken,
 Ik ep op myn ruk kedraaken,
 O! Kwam nou Kees Boet in Stad,

A

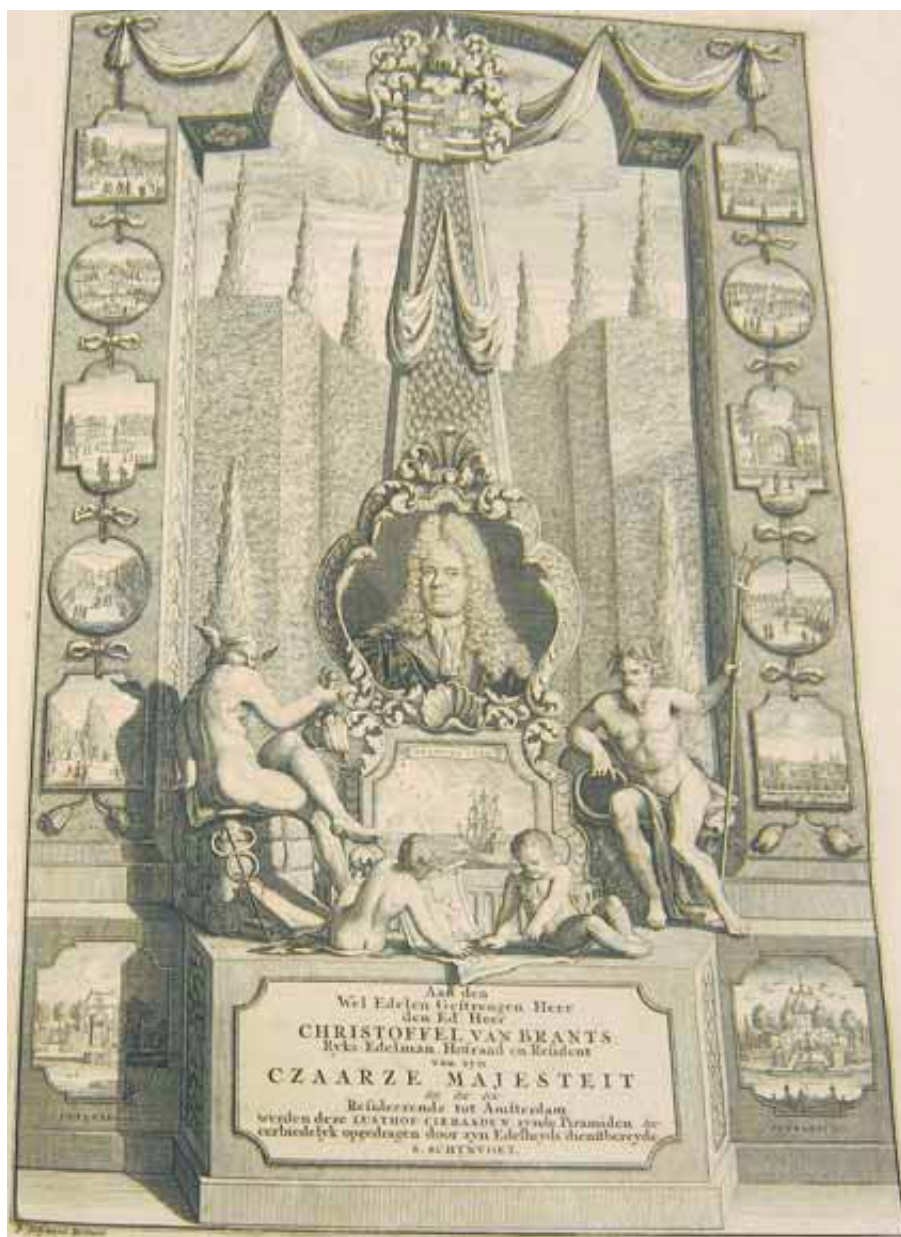
E*

Известие о смерти Кристоффела Брантса
(Городской архив Амстердама)

А на исходе 1721 г., в честь заключения мира между Россией и Швецией, Брантс организовал в Амстердаме еще один блестящий праздник: «9 и 10 декабря на канале Биннен-Амстел за Двором аркебузирова был устроен прекрасный фейерверк, какого амстердамские граждане еще никогда не видали»⁸⁹. Когда же на следующий день Брантсу подали счет на головокружительную сумму в 13 796 гульденов, устроитель праздника возмутился и платить отказался. Разбирая поданную на купца жалобу, городские власти создали комиссию из «трех добрых мужей», дабы «изучить представленный счет и, если возможно, привести стороны к согласию». Похоже, что эта история наделала много шума, ведь некий книготорговец даже напечатал пресловутый счет под заголовком «Копия подлинного счета, поданного и охотно оплаченного по случаю фейерверка Его Царского Величества Петра Первого в лето 1721 во Дворе аркебузирова». Комиссия из трех уважаемых господ пришла к выводу, что счет и в самом деле сильно завышен, так что Брантсу предстояло оплатить всего 10 206 гульденов⁹⁰.

Достопамятный фейерверк был устроен талантом и выдумкой архитектора и инженера Симона Схейнвута⁹¹, а кроме того амстердамцы могли вволю напиться: в представленном счете значится

Симон Схейнвут. Образцы украшений садов
с посвящением К. Брантсу (Королевская библиотека в Гаге)

Фейерверк, устроенный российским агентом в Голландии
Кристоффелем Брантсом по поводу Ништадтского мира (1721). Гравюра

более 2000 бутылок французского вина, из которых одни только слуги осушили 364 бутылки! Однако из высших должностных лиц города на праздник не явился никто, несмотря на полученные ими персональные приглашения. Специалист по истории Амстердама предполагает, что отцы города считали Брантса выскочкой-нуворишем⁹². Но дело было, скорее, в том, что купец нажил себе состояние путем нелегальной продажи оружия России и, вероятно, поэтому городские власти не хотели с ним знаться. К тому же после 1717 г. голландско-русские отношения ухудшились. После нескончаемых препирательств из-за торговых пошлин, после отказа Генеральных штатов признать новый, императорский титул Петра и направить в Петербург дипломата высокого ранга (тогда как у царя в Гааге был полномочный посол), после того, как голландцы утвердились во мнении, что многое сделали для «Московии», но мало получили взамен, власти Амстердама могли себе позволить пренебречь блистательным праздником, организованным в честь России Кристоффелем Брантсом.

Сохранился рассказ очевидца об этом празднике, из которого видно, как горожане пытались заполучить лучшие места и готовы были заплатить за них немалые деньги⁹³. Отсутствие высших должностных лиц тоже было замечено: «Пир, который задал в тот вечер господин Брантс, происходил в большом зале Двора аркебузирова, и там было много видных господ, но ни одного из 10 господ бургомистров, хотя господин Брантс доставил им приглашения прямо на дом»⁹⁴.

Сам фейерверк был зрелищем незабываемым:

«Вечером около 11 часов <...> начали поджигать заряды, и можно было увидеть шлагги, колеса, всякого рода фонтаны, свечи на воде и прочие вещи; самым же необычным были двое молодцов, которых четырежды разукрасили. У каждого на спине висела корзина с фейерверком, на шее подобие ярма, на обоих плечах было что-то вроде шутихи, еще одна на голове и по одной на коленях. Обуты они были в деревянные башмаки, к которым тоже была приделана такая штука. И все это зажгли одновременно, и все сразу запылало, так что видны были только огонь и пламя. А завершился фейерверк взрывом еще пяти зарядов, и на том потеха кончилась. С удовольствием все это посмотрев, мы уплатили хозяину по двум его счетам, после чего ушли оттуда и вернулись около половины второго ночи домой, благодаря друг друга за честь и дружбу и что все прошло благополучно.

Придумал все это дело славный архитектор господин Симон Схейнвут, который замещает управляющего Воспитательным домом в Амстердаме. А надписи и девизы составил господин адвокат Латуренс Арминюс. Изготовил же фейерверк какой-то еврей, или жид, со товарищи, которые его и зажигали»⁹⁵.

Усадьба «Vijverhof»
 (De Zegepralende Vecht... Амстердам, 1719)

Усадьба «Ouderhoek»
(De Zegepralende Vecht... Амстердам, 1719)

Описание той же огненной забавы оставил также амстердамский комедиограф и рифмоплет Ян ван Гейзен. В своем еженедельнике «*Амстердамсе Меркюриус*», выходившем с 1710 по 1722 г., он в легком, сатирическом тоне откликался на политические события. Его же перу принадлежит комический памфлет под заголовком «Новый Арлекин», в котором некий глупый француз обсуждает со своим голландским другом Кейсом большой фейерверк. Кейс говорит:

«Хороша была забава.
Поднялась России слава
Прямо до рогов Луны...»

И долго еще будут вспоминать, продолжает он, «в честь царя триумф и радость». Великолепнее того фейерверка никто в Амстердаме ничего не видал⁹⁶. Подробно о празднике в честь Ништадтского мира Ян ван Гейзен рассказал и в своем журнале «*Амстердамсе Меркюриус*»⁹⁷. Еще в одном номере еженедельника он шутливо заметил, что после мира со Швецией Петр может наконец подумать о более приятных вещах:

«Его Величество, пройдя огонь войны,
И после стольких битв добившись тишины,
Мысль обратил свою теперь к одним усладам,
К потехам огненным, пирам и маскарадам»⁹⁸

Предание рассказывает, что Брантс велел изготовить для царицы красивый домик для кукол, который и сегодня можно увидеть в амстердамском музее Рейксмюзеум. Так называемый «черепажный кукольный дом» имеет вид типичного амстердамского жилого дома, одного из тех, что видные горожане строили себе вдоль каналов, и помечен, как считается, инициалами самого Брантса. Тщательное исследование показало, однако, что дом был сделан еще в XVII в. по заказу Петронеллы Ортман, супруги некоего Йоханнеса Брандта⁹⁹.

Незадолго до смерти Кристоффель Брантс начал строить в Амстердаме, по адресу: Nieuwe Keizersgracht, 28–44 «Богадельню Брантса Россиянина» для старух и вдов. Табличка над входом восхваляет в стихах основателя богадельни, которого «торговля подняла и к славе, и к богатству», и призывает следовать его примеру в добродетелях и в любви к беднякам.

КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ

«Походный журнал 1716 года» под 13 (24) декабря кратко сообщает: «Его Величество был во Адмиралтействе и кушал у Галанца [голландца] Вилима»¹⁰⁰. Загадочный «Вилим» — это, несомненно, Якоб де Вилде (1645—1721). Его Кунсткабинет был впечатляющим собранием картин, античных бюстов, монет, медалей и измерительных инструментов, известным как Музеум Вилдеанум, по адресу: Herengracht, 333. Собрание это пользовалось такой славой, что в Германии говорили: ты не можешь утверждать, что побывал в Амстердаме, если не видел «несравненного Кабинета де Вилде»¹⁰¹. Первые Петр посетил коллекционера еще 13 декабря 1697 г., что запечатлено на гравюре по рисунку дочери последнего Марии (ныне в Амстердамском историческом музее)¹⁰². Но ни тогда, ни в ходе второй поездки Петр этой коллекции так и не купил.

Купил он другую — Альберта Зебы (1665—1736), одно из самых знаменитых в Амстердаме естественнонаучных собраний, с чучелами птиц и рыб, препаратами, раковинами, артефактами и т.п. По мнению знатоков, оно превосходило коллекции Рюйша и Левинюса Винсента. Все собрание Зебы, включая 72 ящика с раковинами, 400 банок с заспиртованными животными и 32 ящика с европейскими насекомыми, отбыло в Петербург¹⁰³. Есть все основания полагать, что в свой первый приезд в Голландию Петр с Альбертом Зебой не встречался. Часто пишут, что царь приобрел его коллекцию в 1717 г., находясь в Амстердаме. На самом же деле решение об этой покупке русский самодержец принял 10 января 1716-го, еще до поездки. А 25 декабря того же года в Амстердаме, на улице Харлеммерстрат, Петр вместе со своим лейб-медиком Робертом Эрскином, президентом российского Аптекарского приказа, нанес визит в «Немецкую аптеку» Зебы.

В «Походном журнале» неоднократно упоминается, что царь посещал верфи голландской Ост-Индской компании и осматривал там раковины (25 декабря) и экзотических птиц (29 декабря). Как Ост-Индская, так и Вест-Индская компании, действуя в районах, изобилующих раковинами (Индонезийский архипелаг, Антильские острова), доставили в Нидерланды немало очень редких образцов¹⁰⁴. Вслед за пряностями и другими товарами стекались в Европу, чаще всего в багаже отдельных служащих компании, всевозможные редкости, будь то препараты растений и животных, раковины, туземная одежда, оружие, украшения. Фарфор и лакированные предметы были товаром массовым, но привозили их и в качестве личного имущества. Такие «индийские редкости» моряки по возвращении иногда продавали напрямую коллекционерам, а иногда в специализированные магазины редкостей, лавки фарфора или аптеки.

NOORD en OOST TARTARYE,

Ofte

BONDIGH ONTWERP

Van

Eenige dier landen , en volken , zo als
voormaels bekend zyn geweest.

Beveffent

Versehide tot noch toe onbekende , en meest noit
voorheen beschreve Tartersehe en nabuerige gewesten ,
lantstrekken , steden , rivieren , en plaetzen , inde

NOORDER en OOSTERLYKSTE GEDEELTEN

Van

ASIA en EUROPA,

Zo buiten en binnen de rivieren *Tanaïs* en *Oby* , als omtrent de
Kaspische , Indische-Ooster , en Swarte Zee gelegen : gelyk de lant-
schappen *Ninche* , *Dauria* , *Jesso* , *Moegalia* , *Kalmukia* , *Tangut* , *Uibel* ,
Noorder Perzie , *Georgia* , *Circassia* , *Crim* , *Altin* , enz. mitsgaders *Tingge-
sha* , *Siberia* , *Samoedia* , en andere aen Hare Z A E R Z E
MAJESTEITEN Kroon gehoorende heerschappyn :

Met der zelve Lant-Kaerten :

Zedert nauwkeurigh onderzoek van veele jaren , en eigen ondervindinge
beschreven , getekent , en in 't licht gegeven ,

Door

N I C O L A E S W I T S E N .

t' Amsterdam , in 't jaer M D C X C I I .

Николас Витсен. Восточная и северная Татария
(Первое издание, Амстердам, 1692)

Товары же компании можно было купить на торгах¹⁰⁵. Популярны были в начале XVIII в. так называемые «порождения морей»: раковины, кораллы, голотурии, морские звезды... Особым спросом пользовались тропические раковины, но собирали также насекомых, чучела диковинных рыб, птиц и зверей¹⁰⁶.

Видным коллекционером был и Николас Витсен (1641–1717), политик, дипломат, ученый, картограф. Между 1686 и 1706 гг. он тринадцать раз был бургомистром Амстердама, а с 1693-го — одним из правителей Ост-Индской компании и одновременно депутатом Генеральных штатов. Член лондонского Королевского общества, он к тому же увлеченно занимался наукой. Его первые контакты с Россией относятся к 1664–1665 гг., когда он вместе с голландским дипломатом Якобом Борейлем (1630–1697) там побывал. Книга Витсена «Древнее и нынешнее строительство кораблей и управление ими» (1671) с нарисованными им самим иллюстрациями привлекло к себе внимание Петра, задумавшего сделать Россию морской державой. На амстердамских верфях был заказан целый ряд военных судов. Царь отблагодарил Витсена, предоставив ему привилегию на торговлю с Россией, откуда в Голландию привозили зерно, лес, сало для свечей, деготь и кожу¹⁰⁷.

Четверть века спустя после своего путешествия в Москву, в 1692 г., Витсен опубликовал книгу «Северная и Восточная Тартария», в которой описал Россию к северу и востоку от Москвы, с приложением первой карты Сибири. Это было первое подробное и достоверное исследование тогдашней Руси¹⁰⁸. Нет ничего удивительного в том, что автор стал большим другом русского государя. В день кончины Витсена, 10 августа 1717 г., Петр находился в Голландии, однако был ли он на похоронах неизвестно. На смерть бывшего бургомистра Клас Брёйн откликнулся эпитафией в стихах, в которой воспел его ученость и заслуги, в том числе связанные с изучением России:

«Ведь это он, явив усердья пыл,
В молодые годы, дней своих весною,
Москвы далекой нравы нам открыл.
Без устали, с прилежностью благою
Описывал там, не жалея сил,
Двора царей обычаи и тайны
И острый ум его нам осветил
Течение дел в Тартарии бескрайней...»¹⁰⁹

Дом Витсена на канале Херенграхт напоминал музей: обширная коллекция раковин (33 ящика), кораллов, чучел животных, драгоценных камней, древних монет, картин, скульптуры, оружия, фарфора и лакированных предметов, книг и рисунков. В должности

Портрет Николаса Витсена. Гравюра.

бургомистра Амстердама Витсен покровительствовал наукам и искусствам, а как управляющий Ост-Индской компанией располагал всеми возможностями пополнять свое собрание заморскими редкостями и диковинками, которые привозили служащие компании, ее матросы и солдаты¹¹⁰. Петр предпринял попытку приобрести его коллекцию, но это ему не удалось¹¹¹.

Среди интересовавших русского монарха голландских собирателей его старым знакомым был также Фредерик Рюйш (1638—1731). Его коллекцию, насчитывавшую свыше 2000 заспиртованных и сухих препаратов частей человеческого тела (Рюйша называли «художником смерти»: на его лекции по анатомии приходили сотни людей), царь осмотрел еще в первый свой приезд в Голландию, 17 сентября 1697 г., и расписался в гостевой книге¹¹². Прошло двадцать лет — и державный властелин опять навестил старика и даже сделал ему комплимент: «Вы ведь по-прежнему мой учитель, не так ли?»

Коллекцию Рюйша он купил за колоссальную сумму в 30 тысяч гульденов, контракт был подписан 8 апреля 1717 г.¹¹³ За этой покупкой стояли соображения политические: стремясь подорвать веру своих соотечественников в чудеса и приметы, Петр хотел показать им препараты из собрания Рюйша как «прихоти природы», а не творения дьявола. В этом царь шел против церкви, использовавшей людские страхи. О тех, кого считали одержимыми бесами, он как-то сказал: «Надлежит попытаться из беснующегося выгонять беса кнутом. Хвост кнута длиннее хвоста чертовского. Пора заблуждения искоренять из народа!»¹¹⁴. По обоснованному мнению исследовательницы Й. Дриссен, приобретение Петром коллекций Зебы и Рюйша было не стихийным порывом и не подражанием западной моде, а хорошо обдуманном актом¹¹⁵.

Одним из важнейших в Голландии собирателей искусства в первой четверти XVIII в. был лейденский купец Питер де ла Кур ван дер Ворт (1664—1737). Он консультировал агентов Петра при покупке произведений живописи и скульптуры и проявлял при этом сугубую осторожность, ибо рынок наводнили подделки¹¹⁶. Осторожность вполне оправданная: ведь еще на исходе XX в. высказывались сомнения в подлинности знаменитой картины «Давид и Ионафан», приписываемой Рембрандту и купленной Петром в 1717 г. О том, что эта великолепное полотно, одна из жемчужин Государственного Эрмитажа, может быть подделкой, в 1989 г. с тревогой написала главная советская газета «Правда». После долгих споров многочисленных экспертов выяснилось, что это все-таки подлинный Рембрандт¹¹⁷.

Собрание Питера де ла Кура осматривали в свое время все любители искусства, и русский государь тоже часто к нему приходил и с ним разговаривал¹¹⁸. Коллекционер, который позднее, в 1737-м, выпустил трактат о устройстве загородных домов и садов¹¹⁹, мог поделиться со своим гостем также советами на эту тему, тем более что в ходе второго путешествия за границу Петр особенно интересовался обустройством садов и дворцов. Он не только посетил в 1717-м усадьбу Питера де ла Кура под Лейденом¹²⁰, но и посылал к нему, как и к Симону Схейнвуту,

своих людей учиться ремеслу садовника¹²¹. В семейном архиве коллекционера-садовода можно найти письмо от царского посла Куракина с просьбой прислать ему на праздник, который послу предстояло организовать в Гааге для «всех видных особ», два ананаса¹²². Вероятно, речь шла о празднике по случаю Ништадтского мира России со Швецией. В книге Питера де ла Кура о садах помещено изображение ананаса¹²³ и объясняется, что этому экзотическому фрукту необходимо много тепла и устойчивой погоды, а потому в Европе его даже летом можно выращивать лишь в застекленных теплицах. Ананасы были в те годы в Голландии большой редкостью, и только самые богатые могли их себе позволить. Именно для престижа эти фрукты и понадобились князю Куракину на празднике.

Находясь в Голландии, Петр покупал немало других заинтересовавших его вещей. Согласно расходной книге царя, у амстердамца Яна Лудера были приобретены всякого рода раковины, а в Гааге у купца Даниэля Фаренгейта — три барометра за 60 гульденов¹²⁴. Прославленный немецкий физик и инженер Даниэль Габриэль Фаренгейт (1686—1736), который изобрел ртутный термометр и разрабо-

Письмо кн. Куракина Питеру де ла Кура
(Региональный архив Лейдена)

тал всем известную всем температурную шкалу Фаренгейта, жил с 1717 г. в Гааге, занимаясь там изготовлением барометров, термометров и альтиметров. Забавно, что в расходной книге барометр назван «бураметр», так что секретарь Петра, который вел эту книгу, невольно предвосхитил выдуманное Лесковым в «Левше» слово «бурометр».

ЮРИЙ КОЛОГРИВОВ

Очень интересной фигурой в петровской России был Юрий Кологривов (около 1690—1754). Сын стольника при царском дворе, он стал денщиком Его Величества, пользовался его полным доверием и в 1711 г. был в числе первых петровских «пенсионеров» направлен на учебу за границу, в Амстердам. Перед этим он в том же году сопровождал Петра в Пруссию. Поначалу он должен был учиться на экипажмейстера, однако ситуация изменилась, и с 1712 по 1715 г. Кологривов изучал в Риме архитектуру. Владея нидерландским, итальянским, французским и, возможно, немецким, он, как следует из документов, сопровождал своего государя в его второй поездке на Запад. Еще в сентябре 1716 г., покинув Голландию, Кологривов присоединился к царю в Карлсбаде (ныне Карловы Вары) и не расставался с ним до конца июня 1717-го: когда тот из Парижа отбыл на воды в Спа, его денщик вернулся в Голландию. Очень сблизившийся в эти месяцы с Петром, он был также в самых доверительных отношениях с его кабинет-секретарем Макаровым.

Во время путешествия Кологривов покупал все больше книг, картин и инструментов. 2 января 1717 г. он вместе с царским лейб-медиком Эрскином приобрел в Амстердаме великолепные рисунки Марии Сибиллы Мериан с изображением насекомых — ныне гордость Российской Академии наук¹²⁵. Петр, по-видимому, был доволен тем, как Кологривов покупает и заказывает произведения искусства, и использовал его скорее в этом качестве, чем как архитектора, на которого тот так и не выучился. Для покупок Кологривов брал кредиты у местных российских резидентов, а дальше сам решал, какие картины и книги приобретать; только для особо дорогих покупок он спрашивал разрешения у царя.

Поиском живописи и скульптуры для Петра занимались в Европе и другие люди, но никто из них так не разбирался в западном искусстве, античной мифологии и технике живописи, как Кологривов, влюбленный в искусство и всецело увлеченный им. Одно из самых значительных его приобретений, которым он очень гордился, — «Венера Таврическая», древнегреческая статуя II или III в. до н.э., по-

*И. П. Аргунов. Портрет Юрия Колодзриова
(Музей-усадьба Кусково)*

павшая сначала в Таврический дворец, а затем в Эрмитаж. В 1717 г. он купил в Амстердаме, Гааге, Харлеме и Антверпене около 80 картин. 13 апреля Петр в своем письме к нему велел:

«В Антверпене и Брюсселе купить картины, их здесь много. Каменные перила [я] заказал здесь в два раза дешевле, чем в Голландии»¹²⁶.

О том же и другое его письмо:

«Когда поедешь к нам в Антверпен и в Брусель, поищи еще купить картин, ибо zelo много и, чаю, дешевле, понеже каменные перилы в полы [половину] мы подрядили против голанского»¹²⁷.

Из этих посланий видно, что Петр не любил разбрасываться деньгами и покупал с разбором.

25 июня Кологривов сообщил из Гааги:

«По указу Вашего Величества в Брюсселе и Антверпене купил картины на достальные деньги, которых у меня было 1743 ефимка. И в Брюсселе купил 27 картин, в Антверпене 90, и всего 117. Заплатил за оные 2 тыс. 462 ефимка, и еще надлежит заплатить 719 ефимков, и то ради того, что не хотели продать, чтоб не все вместе, ибо в том числе суть 8 картин, о которых доношу смело, что стоят по сту и больше ефимков. И в прочих не чаю, чтоб стоили каждая меньше 30 ефимков и больше.

Ваше Величество, всенижайше прошу, велите дать указ о заплате тех 719 ефимков, ибо оной купец без заплаты достальных денег картин не дает, а я бы желал, чтоб оные картины к приезду Вашего Величества были в Амстердаме.

Из Гааги, июня 25, 1717. Вашего Величества всенижайший раб, Юрий Кологривов»¹²⁸.

После отъезда государя из Голландии Кологривов поехал дальше по Европе (Париж, Лондон, Австрия, Ливорно, Рим, Венеция) как для приобретения произведений искусства, так и для того, чтобы позаботиться о прибывших из России на учебу царских стипендиатах (в Италии они изучали архитектуру). В 1718-1719 гг. в Риме, Генуе, Милане, Ливорно и Неаполе он купил более сотни скульптурных работ.

В 1719-м Петр предложил ему вернуться в Петербург, но Кологривов, ссылаясь на болезни, возвращаться не стал. На какое-то время он бесследно исчез, полагали даже, что он захвачен печально известным в ту эпоху пиратом Барбарези или просто сбежал. Возможно, Кологривов действительно боялся вернуться, опасаясь обвинений в контактах с царевичем Алексеем, которого как раз тогда отец допрашивал как подозреваемого в государ-

ственной измене. Лишь в 1728 г., через три года после смерти грозного самодержца, Кологривов объявился в Италии и сам попросил у юного императора Петра II разрешения вернуться. Год спустя он был в России, но на государственной службе уже не состоял. В 40-е годы XVIII в. он работал у графа П.Б. Шереметева: строил в его усадьбе Кусково Итальянский и Голландский домики и обустроивал парк. Там же, в этой усадьбе, он в 1754 г. и умер. В музее Кусково хранится его портрет работы И.П. Аргунова.

В Голландии покупкой живописи для властителя России занимался также Осип Соловьев. В 1716 г. он приобрел на трех аукционах почти 120 картин. Русские агенты Петра обычно пользовались советами экспертов-голландцев: те и местный художественный рынок знали лучше, и могли скорее отличить оригинал от подделки¹²⁹.

Известно, что Петр в искусстве разбирался плохо и не увлекался им. Посетив в 1698 г. лондонский Кенсингтонский дворец, он многие шедевры в картинной галерее дворца даже взглядом не удостоил. Никаких свидетельств о том, что он уже тогда покупал картины, нет¹³⁰. Еще в XVIII в. историк голландской живописи Арнольд Хаубракен отметил, что в 1697 г. русский гость интересовался разве что изображениями кораблей, которые могли бы ему пригодиться при строительстве собственного флота¹³¹. Однако это было только первое путешествие Петра за границу, когда о строительстве новой российской столицы еще и речи не было. Два десятилетия спустя он хорошо понимал, как необходимы престижные дворцы, украшенные выдающимися творениями западноевропейских художников. И интересы его в сфере искусства заметно расширились: по его заказу покупали и жанровые сценки, и виды городов, и натюрморты, и картины на библейские сюжеты¹³². Одна немецкая газета 13 июля 1717 г. сообщила из Гааги, что после крупных покупок царем живописи во Франции и когда он вновь направился в Голландию, «у многих здешних художников появилась надежда, что их тоже коснется своими лучами его благосклонность»¹³³.

Собиратель «анекдотов» о великом монархе Якоб Штелин написал и о его интересе к искусству. Приводим его слова в русском переводе, выполненном в начале XIX в.:

«На втором своем путешествии, в 1716 и 1717 годах, Государь изъявил любовь свою к картинам и хороший вкус в оных. В Амстердаме посещал он славнейших в то время живописцев, и часто по целому часу с особенным удовольствием смотрел, как они работали, разговаривал с ними о произведениях их искусства и довел вкус свой в знании картин до немалой тонкости. Фламандския и Брабандския картины предпочитал он всяким другим, и собрал множество оных работы славнейших масте-

ров. Рубенс, Фан-Дик, Рембранд, Ян Штейн, Фан-дер-Верф, Лингелбах, Берггейм, Миерис, Вуверман, Брейгель, Остаде, Фан-Гуйзум, и проч. были его любимцы; особливо же любил он картины, представляющие морские виды и корабли. Отменно уважал он картины славного Адама Сило <...>

По возвращении со второго своего путешествия ПЕТР Великий выбрал несколько молодых людей из русских и отправил их отчасти в Голландию, отчасти ж в Италию, учиться живописи и архитектуре. Между первыми находились четверо, которые по возвращении отличались от прочих в исторической живописи и принесли честь своему отечеству, а именно: Матвеев, Александр Захаров, Иван Меркурьев и Васильевский; а из других Земцов и Ерошкин. Первые писали прекрасные картины в прекрасном вкусе, которые находятся в разных церквях в Петербурге и Москве; другие ж построили несколько церквей и других публичных зданий самой лучшей итальянской архитектуры»¹³⁴.

ХУДОЖНИКИ: УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ

Уже в 1716 г. Петр отобрал нескольких юных художников, чтобы послать их учиться за границу. Иван Коробов (1700/1701—1747) изучал в Австрийских Нидерландах и в Голландии «архитектуру цивилис, делать шлюзы, огороды и фундаментального строения по амстердамской манере»¹³⁵. В 1727-м вернулся в Петербург. Больше всего он известен постройкой каменной башни Адмиралтейства, со шпилем, увенчанным корабликом, которой так гордится «северная столица». Проучившись в Брабанте и Голландии несколько лет, Коробов обратился к своему государю с просьбой разрешить ему продолжать учебу в Италии и Франции, дабы стать «художником в строении царских жилищ, а не мужичких»¹³⁶.

Ответ Петра был недвусмысленным:

«Иван Коробов! Пишешь ты, чтобы отпустить тебя во Францию и Италию, для практики архитектуры цивилис, во Франции я сам был, где никакого украшения в архитектуре нет и не любят, а только гладко и просто, и очень толсто строят, и все из камня, а не из кирпича; о Италии довольно слышал, к тому ж имеем трех человек русских, которые там учились, и знают нарочито; но в обоих сих местах строения здешней ситуации противные места имеют; а сходнее Голландия. Того ради надобно тебе в Голландии жить, а не в Брабандии, и выучиться маниру Голландской архитектуры, а особенно фундаментам, которые нужны здесь, ибо равную ситуацию имеют для низости стен, к тому же оgoro-

дам [садам] пропорция, как из размерять и украшать, как лесом, так и всякими фигурами, чего нигде в свете столько хорошо делать не умеют, как в Голландии»¹³⁷.

Иван Мичурин (1700—1763) учился с 1723 по 1729 г. в Республике Соединенных Провинций на инженера и архитектора. После возвращения работал в основном в Москве. Среди посланных им за границу стипендиатов Петр выше всего ценил работающих. Так, когда гардемарин Иван Неплюев, вернувшись в Россию, явился к государю с отчетом, тот показал ему свои руки и сказал: «Видишь, братец, я и царь, да у меня на руках мозоли, но все оттого: показать вам пример и хотя б под старость видеть мне достойных помощников и слуг отечества»¹³⁸. В 20-е годы XVIII в. Петр начал увольнять со службы иностранцев и заменять их подготовленными ими учениками-россиянами.

В Голландии русских «пенсионеров» помещали у таких ведущих художников, как Карел де Мор, Арнольдус Бонен, Арт де Гелдер (последний ученик Рембрандта), Якоб де Вит. У Бонена одновременно с Корнелисом Тростом (1696—1750) обучался Андрей Матвеев (1701—1739). В одной книге XVIII в. сообщается о Бонене, что «в 1717 году предметом его благородной кисти был всемирно знаменитый царь ПЕТР Великий, вместе с пресветлейшей своей супругою и некоторыми русскими князьями из свиты Его Величества; все — в полный рост, и к вящему удовольствию сего монарха»¹³⁹.

О портрете Петра, выполненном Карелом де Мором, тот же автор рассказывает:

«В 1717 году он изобразил царя *всёя Руси ПЕТРА Великого*, который оным портретом так был доволен и прельщен, что каждый раз после того, как позировал, сам его запирает на ключ, дабы с ним в его [Петра] отсутствие чего-нибудь не случилось. Но прежде чем портрет был закончен, между царем и нашим художником произошел такой бурный спор, что ДЕ МОР начатую работу не иначе пожелал завершить, как с обещанием, что царь впредь не станет его бесполезно задерживать и заставлять ждать. Он говорил, что у него-де поважнее дела есть, нежели драгоценное свое время таким образом терять. Настоящую же причину того спора, как и другие подробности жизни и творчества сего человека, мне до сих пор узнать не удалось, а потому и поведение нашего героя в оном деле ни оправдывать, ни осуждать невозможно, хотя на первый взгляд можно было бы сказать, что он, как ни высок в рассуждении своего искусства, все же несравненно ниже был величия монарха. Однако высокомерие его на вершине его славы живописца было уже весьма велико и заходило так далеко, что он в той области мало мог переносить»¹⁴⁰

Андрей Матвеев. Автопортрет с женой
(Государственный Русский музей)

Еще одно свидетельство о том, как Карел де Мор создавал портрет Петра, оставил голландский писатель Якоб Кампо Вейерман (1677–1747). Он был знаком с художником и не раз его навещал в мастерской под Лейденом. «В 1717 году, — вспоминал позднее Вейерман, — рыцаря *Карела де Мора* любезно пригласили приехать в Гаагу и написать портреты Петра Первого и Екатерины Алексеевны (Catharina Alexitwa), царя и царицы Великой России. Художник прибыл из Лейдена в Гаагу и направился к послу этого монарха. Тот с большим почтением его встретил и провел в большую комнату, где он должен был ожидать царя.

После того как *Карел де Мор* просидел там долгое время (торопливость при дворах государей не в обычае), царь явился, и рыцарь, уже держа наготове палитру, стал ждать, когда Его Величество усядется; просить же об этом не полагалось, ибо было бы нарушением придворного этикета. Походив некоторое время большими шагами по комнате, царь уселся в кресло, и *Карел де Мор* этим обстоятельством воспользовался, дабы запечатлеть пером черты монарха. Но вскоре царь опять встал. Живописец отложил перо и следовал глазами за царем, пока тот наконец не сел снова. Рыцарь не упустил благоприятного случая и, составив себе уже твердое представление о чертах лица государя, начал раскрашивать изображение мастерскими мазками кисти.

Тут царь завел такой разговор: “Не трудна ли, сударь, живопись и не требует ли занятие ею великого терпения?” — “Да, государь, терпения порой не хватает, — откликнулся сдержанно рыцарь, — особенно когда предмет часто встает или много двигает головой и руками”. <...> Монарх выглядел довольным этим быстрым ответом, не заметив того, что в первых словах художника содержался учтивый упрек этому государю, который не мог долго сидеть на одном месте»¹⁴¹.

Из путевого дневника царя видно, что позировал он Карелу де Мору 16 (27) марта 1717 г.: «В 16 день писал его царского величества персону славной живописец, имянуемой Мор»¹⁴². Из расходной книги Петра: «Выдано господину послу Куракину на дачу живописцу Мору, которой писал персону его царского величества, 150 червонных»¹⁴³. Законченный портрет Екатерина послала супругу из Гааги в Париж. Оттуда он вернулся в Гаагу, где Куракин заказал Хаубракену изготовить по этому портрету гравюру¹⁴⁴.

Об обучавшемся в Голландии юном художнике Андрее Матвееве царский агент ван ден Бюрг отзывался с одобрением: тот не пил, не проказничал, а трудился усердно и с большим талантом. В 1717 г. Матвеев поступил в ученики к Арнольдюсу Бонену, который за это получал 100 гульденов в год. Ученик научился говорить и писать по-нидерландски, создал портрет ван ден Бюрга (не сохранился)¹⁴⁵.

После учебы в Амстердаме Матвеев поехал в Австрийские Нидерланды, в Антверпен, где 6 декабря 1723 г. записался в Академию изящных искусств. Там его опекал местный агент царя, купец и банкир Джованни Стеффано, который и оплачивал его расходы. Когда в январе 1725-го, после смерти Петра, на престол вступила Екатерина I, ее молодой протеже в Антверпене посвятил ей свою первую большую работу *«Аллегория живописи»*, первую русскую картину на аллегорический сюжет. Другое известное полотно Матвеева — портрет Петра I, но оно является копией работы Карела де Мора, так как Андрей в последний раз видел своего государя в 1717-м, когда был еще подростком.

Посетил Петр в Амстердаме и мариниста Адама Сило (1674—1760), прославившегося изображением кораблей. Уже в 1697 г., в первый приезд царя в Голландию, Сило учил его, как рисовать морские суда. Теперь высокий гость навестил своего бывшего учителя, о чем придворный живописец и знаток искусства Георг Гзелль, швейцарец на русской службе, рассказал два десятилетия спустя так: «Сило был умелым кораблестроителем. Он за хорошую плату мастерски умел делать модели кораблей. Поэтому-то в 1717 Петр и посетил его. К тому времени Сило уже перешел к писанию картин на морские сюжеты. Царю он предложил купить некоторые из них. Тот отказался. Однако позднее, познакомившись с ним получше, Петр захотел приобрести у него за большие деньги несколько моделей. Он предложил ему также переехать в Россию и поступить к нему на службу за очень приличный годовой оклад. Однако Сило так обиделся на отказ царя купить его картины, что и слышать не хотел ни о продаже моделей или картин, ни о поступлении к царю на службу. Поэтому царь купил через своих комиссионеров все картины Сило, какие только смог достать»¹⁴⁶. Сегодня они находятся в Государственном Эрмитаже.

Если верить жившему в XVIII в. художнику и историку голландской живописи Йохану (Яну) ван Голу, Петр в Амстердаме пригласил Генриетту ван Пе, точнее — Волтерс-Ван Пе (1692—1741), известную своими миниатюрными портретами с натуры, приехать в Россию. Выросшая в семье, где три поколения владели кистью, она хорошо зарабатывала миниатюрами для брошей и браслетов, модными у богатых горожан. И чем меньше был портрет — тем выше его цена. Искусство Генриетты ван Пе пользовалось такой славой, что даже иностранные монархи наперебой заказывали у нее портреты. На предложение русского царя стать его придворной художницей, с громадным по тем временам жалованьем в 6000 гульденов ежегодно, она ответила отказом. По словам Ван Гола, ей не хотелось покидать свою страну, а к тому же ей, по ее религиозным убеждениям (она была менонитка), «беспокойная и рабская придворная жизнь» совершенно

не подходила¹⁴⁷. Впрочем, она успела, пока царь был в Голландии, написать портреты трех вельмож из его свиты.

Такая же неудача постигла, кстати, и прусского короля Фридриха-Вильгельма I. Посетив в Амстердаме Генриетту ван Пе, он попросил ее приехать к нему в Берлин, но она отказала, заявив, что они с мужем люди простые и не приживутся при королевском дворе, где вместо прямоты и правды царят лесть и угождение. Поэтому «она твердо решила, что никогда не окончит свои дни ни при каком дворе, поскольку ей слишком дорога ее свобода»¹⁴⁸. Современники высоко ценили художницу, хотя сегодня некоторые считают, что своей славой она обязана скорее общению с иностранными монархами, высокими ценами на ее работы и своей добродетельностью, нежели своему искусству¹⁴⁹.

ИЗДАТЕЛИ И КНИГОТОРГОВЦЫ

В расходной книге Петра упомянуто, что князю Куракину выплачено 925 гульденов за покупку в Гааге Нового Завета¹⁵⁰. В 1716 г. царь поручил издать *Новый Завет* с параллельным текстом на нидерландском и церковнославянском языках. Год спустя в Гааге Йоханнес ван Дюрен выпустил два тома, в которых в левом столбце страницы был помещен нидерландский текст¹⁵¹. В 1718–1719 гг. в Петербурге добавили текст на церковнославянском, в правом столбце. Довольный результатом, Петр заказал двуязычное издание теперь уже *Ветхого Завета*. Четыре тома с нидерландским текстом напечатал в Амстердаме Даниэль ван Леуэн в 1721 г. Когда по прошествии двух лет их доставили в Россию, выяснилось, что нидерландский текст значительно расходится с церковнославянским, поэтому издание на двух языках так и не было осуществлено¹⁵². Некоторые предполагают, что Русская Православная Церковь это издание бойкотировала, а потому напечатанные в Голландии экземпляры гнили в подвалах Александро-Невской лавры¹⁵³.

В своем издательском посвящении «Его Царскому Величеству Петру Великому, самодержцу всея Руси» Йоханнес ван Дюрен в 1717-м не только нарекает Петра «Великим» за четыре года до того, как его увенчает этим титулом российский Сенат, но и впадает в поистине лирический тон: «Ваши подданные обретают в Вашем Царском Величестве как бы второго Создателя, рассеивающего темные тучи Невежества и возжигающего на Небесах свет Знания». Он без колебаний сравнивает властелина России с Александром Македонским: «С большим правом подобает Вам, всемогущий государь, прозвание Великого, нежели Александру, который лишь грозностью

HET NIEUWE
TESTAMENT,

O F T E

ALLE BOECKEN DES NIEUWEN VERBONDTS

ONSES HEEREN

JESU CHRISTI.

GEDRUCKT DOOR LAST VAN

ZYN CZAARSE MAJESTEYT

PETRUS DEN EERSTEN,

KEYSER VAN GROOT EN KLEYN RUSSLANDT.

ENZ. ENZ. ENZ.

TWEEDE DEEL.

IN 's GRAVENHAGE

BY JOHANNES VAN DUREN, BOECKVERKOPER.

MD CC XVII.

«Библия Петра I». Новый завет. 1717.
(Университетская библиотека Гёттингена)

своего оружия блистал. Ваше же Царское Величество вооружает свой народ всякими науками для мира и одновременно обучает его владеть оружием для войны. Под Вашим предводительством он учится только побеждать и под Вашей властью он никаких нападений не должен опасаться». «Потомок с изумлением будет читать историю Ваших времен и найдет в ней образец совершенного монарха».

После таких похвал можно ли считать случайным, что через год, в 1718-м, тот же голландский издатель выпустит французский перевод официального российского документа — *«Объявление розыскного дела и суда по указу его Царского Величества на царевича Алексея Петровича, в Санктпетербурхе отправленного, и по указу Его Величества в печать, для известия всенароднаго, сего Июня в 25 день, 1718, выданое»*¹⁵⁴?

Чего добивался Петр изданием Священного Писания на двух языках, объясняет в своих «анекдотах» Якоб Штелин: «Сим изданием всея Библии на Голландском и Славенском языках Государь намерен был доставить подданным своим двойную пользу, а именно: возбудить в них охоту к чтению Священного Писания, и притом подать им случай приучиться к любимому его Голландскому языку. Ибо он часто говаривал: “Голландской язык нам нужен на море, Немецкой на сухом пути, а Французской совсем не нужен, для того, что с Французами мало имеем мы дела”»¹⁵⁵.

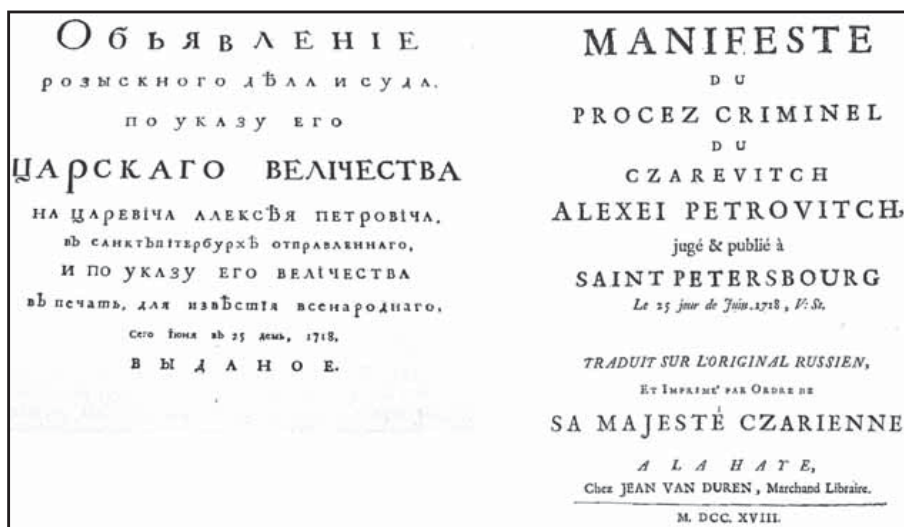
В недавнем исследовании о царском после в Гааге князе Куракине заслуги в издании Библии на двух языках приписываются ему¹⁵⁶, однако без ссылок на источники. Вызывает большие сомнения, что Куракин проявил бы такой интерес к печатанию Библии на нидерландском, ведь сам он этого языка не знал. Так, посещая провинцию Зеландия, он попросил проводника, владевшего французским, и всю свою переписку с Генеральными штатами посол вел по-французски.

Расходная книга Петра содержит также многочисленные упоминания о покупке в Голландии книг, например трактата по строительству крепостей *«Истинный Вобан»*, *«Наставлений о садах»* и *«Истории торговли у древних»*¹⁵⁷. За 36 томов in folio *«Истории Византии»* уплачено 770 гульденов, за *«Девизы»* Симона Схейнвута — всего три гульдена. Кроме того были приобретены «Забавные и серьезные надписи» Иеронимуса Свейртса. Иллюстрированный трехтомник о Брабанте Жака Ле Руа на латинском, французском и нидерландском языках обошелся в 46 гульденов, *«Прелести Италии»* Александра де Рожиссара, в четырех томах, — в 20 гульденов¹⁵⁸, а еще добавились подобные же книги о «делициях», т.е. достопримечательностях и увеселениях, также в Великобритании, Испании и Португалии¹⁵⁹.

Интересна запись о покупке двух роскошных томов Марии Сибиллы Мериан:

«Генваря в 2 д. царское величество указал заплатить Амстердамскому жителю Юрию Гезелю за две книги больших (которые по указу его величества купил дохтор арескин) в которых вложены паргаминовые листы, на которых малевано самым добрым мастерством живописным всяки цветы, также бабачки <так!>, мушки и прочие всякие животные (которых паргаминовых листов будет числом 254 листа), три тысячи гульденов голландских, а ефимками иметца тысяча двести, которые выдать записав в расход»¹⁶⁰.

Книги, которые приобретал русский царь, были не только утилитарного характера. Так, 1 февраля 1717 г. он дал поручение купить «книгу Бакалинову, которую надо будет перевести»¹⁶¹. После долгих поисков стало ясно, что имелось в виду известное в тогдашней Европе сочинение итальянского литератора Траяно Боккалини (1556—1613) «Сообщения с Парнаса» — об Аполлоне, который на Парнасе председательствует на совете мудрецов. Книга изобилует забавными размышлениями о литературе, но содержит и немало сатирических выпадов против власть имущих. Русского царя это, как видим, не смущало. Удалось ли ему приобрести книгу Боккалини, мы не знаем.

Суд над царевичем Алексеем Петровичем в 1718 году.
Печатный текст ((РГАДА) / Гаага, 1718)

Ни сама она, ни какой-либо ее перевод на другой западноевропейский язык в каталоге библиотеки Петра I не значатся.

Издания, купленные в ходе поездки, попадали в большой сундук, доверенный царскому денщику Авраму. В расходной книге есть запись о том, что «арапу Авраму» выплачен рубль за то, что он позаботился о ремонте этого сундука. Ибрагим, или Аврам (Абрам), как его называли при крещении в православную веру, происходил из Эфиопии, был куплен русским послом на невольничьем рынке в Стамбуле и подарен царю. Любимый крестник Петра (с 1727 г. он встречается в источниках под фамилией Ганнибал) участвовал в Полтавской битве, сопровождал царя в Прутском походе против турок (1711), а в 1716-м отправился с ним в заграничное путешествие. Из Голландии Петр послал его во Францию учиться на инженера. После смерти своего государя и покровителя «арап» был сослан Меншиковым в Сибирь. Только после 1730 г. императрица Анна вернула ему свободу и положение в обществе. Ганнибал женился на красивой гречанке, но, выданная за него против своей воли, она отомстила ему, родив белую дочь. Абрам Петрович пришел в ярость, заточил неверную жену в монастырь и развелся с ней.

Вероятно, его ждало бы забвение, если бы его правнук, внук третьего сына Ганнибала от второго брака, не стал величайшим поэтом России. Гордясь своим «африканским» происхождением (и темпераментом), Пушкин, как мы знаем, посвятил своему прадеду повесть «*Арап Петра Великого*», к сожалению, неоконченную. Вот как он описывает его молодость во Франции: «Появление Ибрагима, его наружность, образованность и природный ум возбудили в Париже общее внимание. Все дамы желали видеть у себя le Nègre du czar и ловили его на перехват; регент приглашал его не раз на свои веселые вечера; он присутствовал на ужинах <...>; не пропускал ни одного бала, ни одного праздника, ни одного первого представления, и предавался общему вихрю со всею пылкостью своих лет и своей породы». В довершение всего «арап» влюбился в прекрасную графиню, у нее родился чернокожий ребенок — грозил скандал. Чтобы спасти честь знатной дамы, младенца отправили куда-то в провинцию, подменив другим. Повинуясь настойчивым требованиям Петра вернуться в Россию, Ибрагим с тяжелым сердцем покинул Париж и свою возлюбленную¹⁶².

Примечания

1. *Scheltema J.* Rusland en de Nederlanden. Т. III. Р. 244.
2. Дневник... // Архив князя Ф.А. Куракина. Т. I. С. 101.
3. Там же. Т. III. С. 237.

4. Там же. Т. I. С. 130.
5. Там же. Т. I. С. 156–157.
6. Там же. Т. I. С. 132.
7. Там же. Т. I. С. 129, 131. Последнюю фразу не без гордости цитируют голландские авторы в кн.: *Fuchs J.M., Simons W.J.* Nou hoor je het eens van een ander. Buitenlanders over Amsterdam. Den Haag, 1975. P. 52.
8. *Трифанкова Ю.В.* Б.И. Куракин. С. 89.
9. *Bohlen A.* Changes in Russian diplomacy... P. 347.
10. Дневник... Т. X. С. 79.
11. Там же. Т. VI. С. 54.
12. *Трифанкова Ю.В.* Б.И. Куракин. С. 96.
13. Дневник... Т. I. С. 20. См. также: *Макаров Б.С.* Голландцы в России. С. 60.
14. *Трифанкова Ю.В.* Б.И. Куракин. С. 177.
15. Дневник... Т. III. С. 278.
16. Там же. Т. I. С. 50.
17. *Трифанкова Ю.В.* Б.И. Куракин. С. 186 (без ссылки на источники).
18. Там же. С. 202. По мнению самого Куракина, он не удостоился этого поручения из-за интриг Толстого и Шафирова (Дневник... Т. I. С. 90–91).
19. *Куракин Б.И.* Семейная хроника (цит. по: *Трифанкова Ю.В.* Б.И. Куракин. С. 178).
20. *Saint-Simon de L.* Mémoires complets et authentiques. Т. XIV. Chap. 18 (цитата приведена в кн.: *Zitser E.A.* The Vita of Prince Boris Ivanovich “Korybut”-Kurakin. P. 178).
21. *Altbauer D.* The Diplomats of Peter the Great. P. 9.
22. РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1716 г. Д. 7. Л. 166.
23. Там же. Д. 14. Л. 26.
24. Там же. 1717 г. Д. 23. Л. 19.
25. Там же. Л. 102–103.
26. Как сообщает Г.Й. Онрюст, Петр, находясь в Голландии, поместил в одной местной газете, на последней полосе, объявление, приглашающее ремесленников наниматься на работу в Россию (*Onrust G.J.* Tsaar Peter. P. 875).
27. Собрание писем императора Петра I^{го}. Т. III. С. 80–81.
28. Там же. С. 90.
29. Там же. С. 92.
30. В русских источниках его часто называют «Тимофей младший Фонармус», как любезно сообщил мне Борис Макаров. См. также: *Макаров Б.С.* Голландцы в России. С. 26.
31. Собрание писем императора Петра I^{го}. Т. III. С. 113.
32. Там же. С. 114.
33. Там же. С. 123.
34. Resolutien van de Heeren Staaten van Hollandt ende Westvrieslandt (21 марта 1716) (SAA 5038. Nr. 151. P. 167).
35. РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1717 г. Д. 14. Л. 70.

36. *Boonstra J.* De activiteiten van Russisch agent Johannes van den Burgh. P. 34; Пекарский П. Введение в историю просвещения. С. 164.
37. РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1717 г. Д. 25. Л. 1–2.
38. *Boonstra J.* De activiteiten van Russisch agent Johannes van den Burgh. P. 36.
39. РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1717 г. Д. 9. Л. 12, 14; Д. 8. Л. 62.
40. РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1717 г. Д. 14. Л. 7–8.
41. В оригинале — с использованием русских слов: «po Ruski en po Golanski».
42. Там же. Л. 50–50об.
43. *Boonstra J.* De activiteiten van Russisch agent Johannes van den Burgh. P. 48.
44. *Kluit S.W.P.* De Hollandsche Leidsche Courant. P. 16, 28.
45. Ibid. P. 27–28.
46. *Schneider M.* De Nederlandse krant. P. 58–59. Утверждение автора, будто газета основана в 1717 г., неверно: она выходила еще в XVII в. (см. исследования Ингрид Майер).
47. Этим объяснением я обязан Рене Восу. См. также: *Maier I.* Zeventiende-eeuwse Nederlandse couranten. P. 27, 42, 44.
48. *Blome A.* Das deutsche Rußlandbild. S. 45.
49. «Амстердамсе Аргус» выходил с мая 1718 по август 1722 г. В подзаголовке выражены намерения издателя: «со вниманием ко всем происходящим делам и событиям, дабы указывать на уродства человеческих деяний и пороки их бичевать в манере легкой и занимательной».
50. Цит. по: *Vliet van R.* Tsaar Peter de Grote: identiteit en imago. P. 348.
51. Цит. по: *Geconfineert voor altoos.* P. 151. См. также: *Kluit S.W.P.* Jacob Campo Weyerman. P. 196–197. Журнал Вейермана назывался «Den Amsterdamschen Hermes. Zynde Een historisch, poëtisch, en Satyrisch verhaal van de zotheden der voorby zynde, der tegenwoordige, en der toekomstige Eeuw; benevens eenige liefdens gevallen, staatkundige Coffihuis opmerkingen, en Courant-perioden».
52. См.: *Blauw H.M.* Bibliografie van het werk van Hermanus van den Burg. P. 5–35. В 1705 г. в Амстердаме по заказу Петра вышла книга «Символы и эмблемы». Позднее, после ее переработки Херманиусом ван ден Бюром, ее издали под заголовком «Собрание избранных геральдических девизов...», с 840 иллюстрациями (http://emblems.let.uu.nl/c1627_introduction.html?lang=dut).
53. *Boonstra J.* De activiteiten van Russisch agent Johannes van den Burgh. P. 40.
54. *Уляницкий В.А.* Русские консульства. Т. 1. С. 16.
55. *Ильина Т.В., Римская-Корсакова С.В.* Андрей Матвеев. С. 49.
56. *Уляницкий В.А.* Русские консульства. Т. 1. С. 16.
57. Londen. National Archives. State Papers Foreign Holland 1560–1780. SP 84. Fol. 169–170, 27 августа / 7 сентября.
58. Ibid. Fol. 187–188, 30 августа / 10 сентября.
59. Ibid. Fol. 222, 6 / 17 сентября.
60. *Europische Mercurius.* September 1717. P. 200–201.
61. Сборник выписок из архивных бумаг. Т. II. С. 83. Червонец, т.е. 10 рублей, соответствовал в ту эпоху 5 гульденам 6 стюйверам (эти сведения мне любезно предоставил Юрий Эскин из РГАДА).

62. См. об этом подробнее: *Серов Д.О.* Заметки о жизни асессора Осипа Соловьева // *Russia and the Low Countries in the XVIIIth Century / Россия и Нидерланды в XVIII веке*, под ред. Э. Вагеманса. Р. 97–109. По словам издателя писем братьев Олсуфьевых, сопровождавших Петра в этой поездке, Соловьев был оклеветан, вероятно, резидентом Брантсом, а того поддерживал Меншиков, которому Соловьев не всегда шел на встречу (Братья Олсуфьевы. С. 13).
63. Походный журнал 1716 года. С. 102.
64. *Europische Mercurius*. December 1716. Р. 313. Соловьев снял дом по адресу: *Herengracht, 527*, у Якоба Хинлопена, родственника правившего тогда бургомистра Амстердама.
65. *Дневник...* // Архив князя Ф.А. Куракина. Т. I. С. 70.
66. *Bruin de C. Reizen over Moskovie*. Р. 17.
67. *De Zegepraalende VECHT*. Р. 32.
68. *Terlouw P. De Vecht*. Р. 58.
69. *Bruin C. Speelreis langs de Vecht-stroom*. Р. 34. См. также: *Slor J. Een leerzaam reisje*. Р. 17–18.
70. Архитектор Симон Схейнвут (1652–1727) получил известность, построив загородные дома на реках Вехт и Амстел. Ему принадлежала также большая коллекция древностей и монет (*Muntkabinet der Roomsche keyzers en keyzerinnen. In vaarzen beschreven door Abraham Bogaert. Amsterdam, 1695*), которую русский царь осмотрел в 1698 г. О загородном доме «Петербург» см.: *Balbian Verster de J.F.L. Christoffel Brants (1664–1732) en zijn Buitenverblijf “Petersburg”*. Р. 41–48.
71. *Luttervelt van R. De Buitenplaatsen aan de Vecht*. Р. 204.
72. *Brugmans H. Geschiedenis van Amsterdam. Vol. III*. Р. 276.
73. *Donga H. Christoffel van Brants en zijn hofje*. Р. 39.
74. *Grobbe F.H. Christoffel van Brants en het buiten Petersburg*. Р. 33.
75. *Donga H. Christoffel van Brants en zijn hofje*. Р. 39. 8 апреля 1717 г., пока Петр собирался ехать дальше, во Францию через Австрийские Нидерланды, голландский посол в Брюсселе сообщил своему правительству, что местные власти заняты «всеми необходимыми приготовлениями к приему и содержанию Его Царского Величества, что финансов [государства] не улучшает» (*De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII*. Р. 212).
76. *Cross A. Peter the Great through British Eyes*. Р. 25.
77. *Breen J.C. Geschiedenis van het huis Heerengracht 527*. Р. 70. Похоже, что это было типично для проживания царя и его свиты в чужих домах. В Берлине они также оставили предоставленный им дворец Монбизу «в полном опустошении» (*Schippan M. Die Schenkung des Bernsteinzimmers*. S. 39).
78. *Terlouw P. De vecht*. Р. 58. Единственный источник сведений о посещении Петром других усадеб на реке Вехт: *Oude en Nieuwe Staat van 't Russische of Moskovische Keizerryk, Behelzende eene uitvoerige Historie van Rusland en deszelfs Groot-Vorsten...* Т. III. Utrecht, 1744. Р. 303: «После осмотра виднейших усадеб на берегах Вехта Их Величества в со-

- провожении своей свиты и упомянутого выше господина *Брантса* сошли с яхты в *Утрехте*, у дома господина *Давида ван Моллема...*». Гравюру с видом усадьбы Вейверхоф (1719) можно найти в кн.: *Bruin C. Speelreis langs de Vecht-stroom*.
79. *Munnig Schmidt E., Lisman A.J.A.M.* Plaatsen aan de Vecht en de Angstel. P. 120, без указания источников. См. также: *Kramm Ch.* De levens en werken der Hollandsche en Vlaamsche kunstschilders, beeldhouwers, graveurs en bouwmeesters, van den vroegsten tot op onzen tijd. Amsterdam, 1857–1864, в статье о Яне Боскаме. Еще некоторые упоминания о том же событии, но без ссылок на источники: *Utrechtsche Volks-Almanak*, 1851. P. 44; *Maandblad van “Oud-Utrecht”*, 1942. P. 24; *Graft van de C.C. Agnes Block en haar liefde voor tropische gewassen // Jaarboekje van “Oud-Utrecht”*, 1962. P. 123–124.
 80. *Munnig Schmidt E., Lisman A.J.A.M.* Plaatsen aan de Vecht en de Angstel. P. 132, без указания источников.
 81. *Luttervelt van R.* De Buitenplaatsen aan de Vecht. P. 240, без указания источников.
 82. *Jong de E.A.* ‘Paradisus batavus’. P. 117.
 83. *Koningsbrugge van J.S.A.M.* Tussen Rijswijk en Utrecht. P. 103–104; *Veluwenkamp J.W.* Archangel. P. 165–169.
 84. *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы. С. 330.
 85. *Kloetstra A.A.* Christoffel Brants. P. 87–88.
 86. SAA. Archieven van het Van Brants-Rus hofje en Christoffel Brants. Nr. 404.
 87. Resolutien van de Hoogh Mogende Heeren Staten Generael... Genomen in den jare 1717 (NA. Nr. 1.01.02/3772. P. 914). См. также: Resolutien van de Heeren Staaten van Hollandt ende Westvrieslandt (22 октября 1717 г.) (SAA 5038. Nr. 152. P. 425).
 88. *Donga H.* Christoffel van Brants en zijn hofje. P. 42.
 89. *Brugmans H.* Geschiedenis van Amsterdam. Vol. III. P. 277. Посол Куракин устроил целый ряд празднеств в Гааге, во дворце Маурицхёйс (*Balbian Verster de J.F.L.* Christoffel Brants en zijn buitenverblijf “Petersburg”. P. 51).
 90. *Splitberger L.* Een rekening van een kasteleines. P. 308–310.
 91. *Grobbe F.H.* Christoffel van Brants en het buiten Petersburg. P. 32.
 92. *Brugmans H.* Geschiedenis van Amsterdam. Vol. III. P. 277.
 93. См.: Gevallen die met ons geselschap zijn gebeurd en dien ik gesien en gehoord heb, so voor, in, als na, de vuurwerken, die opgestoken zijn, den 9de en 10de december Anno 1721, door orde van den Heer Christoffel Brand, Rijks Edelman, Hof-Raad en Resident van den Keyser van Groot Rusland, wegens de gesloten vrede, tusschen de bovenstaande Keyser van Groot Rusland en den Koning van Zweden, en de Croon van Zweden den 20 Augustus nieuwe, of 30 Augustus oude stijl Anno 1721 // *Amsterdamsch Jaarboekje voor 1899*. Amsterdam, 1899. P. 82–99.
 94. *Ibid.* P. 91.
 95. *Ibid.* P. 95. Существует гравюра по рисунку Симона Схейнвута «Фейерверк Кристоффеля Брантса по случаю Ништадтского мира» (1721). См. стр. 61.

96. De Nieuwe Harlequin, Met zyn Rarekiek, Vertoonende het Vuurwerk, dat 'er op den 9 en 10. December 1721. ter eeren van zyn Czaarsche Majesteyt binnen de Stad van Amsterdam is afgeschooten. Amsterdam, 1721.
97. Jan van Gysens 20ste Maandagse Amsterdamsche Mercurius. Verhaalende de Uytlegginge van de Arche Triomphaalis of Keyzerlyk Vuurwerk Afgestookten in Amsterdam den 9 en 10 den December 1721. ter gelegenheyd van de eeuwige Vreeden tusschen haar Czaarse en Zweedsche Majesteyten.
98. Jan van Gysens 20ste Maandagse Amsterdamsche Mercurius. Verhaalende het voornaamste Nieuws door heel Europa.
99. *Verheul-van Veen M.* Het poppenhuis van de tsaar. P. 43—44. См. также: *Dommissie H.H.* Het Hollandse pronkpoppenhuis. P. 247—253.
100. Походный журнал 1716 года. С. 103. Отредактированный позднее официальный дневник путешествия об этом почему-то умалчивает: «И от того времени даже до праздника Рождества Христова его величество все был в Амстердаме и смотрел всяких художеств, между тем же часто изволил бывать на Астинской и партикулярной верфах и в протчих домех» (Гистория свейской войны. С. 611).
101. *Uffenbach von Z.C.* Merkwürdige Reisen durch Niedersachsen, Holland und England. Frankfurt; Leipzig; Ulm, 1753—1754. S. XCV.
102. Когда при вторичном визите царя, 13 december 1716 г., она поднесла ему экземпляр гравюры, он, в свою очередь, подарил ей некое ювелирное украшение (*Oostrum van W.R.D. Wilde, Maria de* // *Digitaal Vrouwenlexicon van Nederland*).
103. *Berkel van K.* Citaten uit het boek der natuur. P. 186.
104. De wereld binnen handbereik. P. 196.
105. Verzamelen van rariteitenkabinet tot kunstmuseum. P. 124.
106. Ibid. P. 132.
107. Посол Куракин писал о Витсене так: «...которой в любви великое [так!] к нашему государству имеет и до которого его величество в бытность свою здесь вельми склонен был» (Дневник... // Архив князя Ф.А. Куракина. Т. I. С. 135).
108. В 2010 г. вышло научное издание этого впечатляющего труда, под редакцией Н.П. Копаневой и Б. Нардена, с переводом на русский В.Г. Трисман (*Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария. Т. 1—3. Амстердам, 2010).
109. *Bruin C.* Zede-dichten met kunstplaat. P. 555—557.
110. De wereld binnen handbereik. P. 44.
111. Это видно из сохранившегося русского перевода письма купца Кристоффеля Брантса Петру (конец 1717-го или начало 1718 г.): «Вдова бургомистра Витцена объявляет, что ей невозможно никаких ост-индских драгих вещей отдать, понеже бургомистрово наследие по духовной надлежит всем его сродственником, которые по смерти госпожи Витценовой им все надлежит отдать, без которых общего соизволения ничего не может отдать, и к ним генерально хочет писать, и от них уповаает доброй ответ получить» (РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Кн. 31. Л. 193).

112. Беккер Б.Б. Русские посетители анатомического кабинета...
113. *Driessen-Van het Reve J.J.* De Kunstkamera van Peter de Grote. P. 139.
114. *Нартов А.К.* Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Петр Великий. Воспоминания. С. 79.
115. *Driessen-Van het Reve J.J.* De Kunstkamera van Peter de Grote. P. 155.
116. Петр I и Голландия. С. 222.
117. *Волынский Н.* Подделка в Эрмитаже!
118. *Gool van J.* De Nieuwe Schouburg... Т. I. P. 115.
119. *La Court van der Voort de P.* Byzondere aenmerkingen over het aenleggen van prachtige en gemeene landhuizen, luthoven, plantagen en aenklevende cieraeden. Leiden, 1737.
120. Jong de E.A. 'Paradisus batavus'. P. 123. Noot 7.
121. Ibid. P. 123, 121.
122. Regionaal Archief Leiden. Nr. 32. Familiearchief De la Court. Дигитальная версия: <http://www.geschiedenisvanzuidholland.nl/geschiedenis/verhalen/archiefstuk/437/brief-aan-pieter-de-la-court-van-der-voort-1721>. В 1721 г. Питер де ла Кур отправил царю четыре ящика с ананасами и инструкции о том, как строить теплицы (*Jong de E.A.* 'Paradisus batavus'. P. 118).
123. См.: [http://www.geschiedenisvanzuidholland.nl/geschiedenis/verhalen/archiefstuk/440/1-landgoed-Illustratie-ananas-\(1737\)](http://www.geschiedenisvanzuidholland.nl/geschiedenis/verhalen/archiefstuk/440/1-landgoed-Illustratie-ananas-(1737)).
124. Сборник выписок из архивных бумаг. Т. II. С. 56.
125. *Лебедева И.* Художественное и научное наследие Марии Сибиллы Мериан в Санкт-Петербурге. Доктор Роберт Эрскин, президент Аптекарского приказа, с 1715 г. заведовал петербургской Кунсткамерой и царской библиотекой.
126. РГАДА. Ф. 9, Оп. 1. Д. 11. 1717 г. Л. 76.
127. Архив Петербургского отделения РАН. Ф. 270. Оп. 1. № 84. Л. 357 (этими сведениями я обязан С.А. Мезину).
128. РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 32. Л. 802. См. также: *Каминская А.Г.* Основные этапы жизни и творческого пути Ю.И. Кологривова. С. 138–139. Многочисленные примеры его покупок мы находим в кн.: Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Первом. Т. II. С. 76–80.
129. *Ван дер Веен Я.* Амстердамский художественный рынок. См. также: *Каминская А.Г.* Приобретение картин в Голландии. С. 36–43.
130. *Левинсон-Лессинг В.Ф.* Первое путешествие Петра I. С. 330, 341.
131. *Houbraken A.* De groote schouburgh... Т. II. P. 240. Автор пишет о контактах Петра с Людольфом Бакхёйzenом (1630–1708), важнейшим в Амстердаме художником-маринистом, изображавшим бурное море, порты и великие события из истории голландского мореплавания. «Великий царь Московии», читаем мы у Хаубракена, не только побывал у этого художника, но и пожелал, чтобы Бакхёйзен в его присутствии изобразил для него разные типы кораблей, и даже сам тем временем нарисовал на бумаге некоторые из них. Не исключено, что Бакхёйзен также дал Петру несколько уроков рисования.

132. В 1737 г. Георг Гзелль и Якоб Штелин составили на немецком языке каталог произведений искусства, приобретенных Петром и находившихся в его дворцах в Петергофе. Этот каталог (*Verzeichnis der sämtlichen Schildereyen <sic!> zu Marly und Monplaisir in Peterhoff...*) обнаружила в библиотеке Петербургского отделения РАН (инвентарный номер 170.1.65) голландская исследовательница Йозин Дриссен. См.: *Driessen-Van het Reve J.J. De Kunstkamera*. P. 203 seq.
133. *Hamburger Relations-Courier*. 13. Juli 1717.
134. *Штелин Я.Я.* Подлинные анекдоты о Петре Великом. Ч. 1–2. М. 1830. С. 64.
135. *Малиновский К.В.* Коробов // Три века Санкт-Петербурга. Т. I.
136. *Пилявский В.И.* Иван Кузьмич Коробов (Материалы к изучению творчества) // Архитектурное наследство. Вып. 4. Л.; М., 1953. С. 60.
137. Там же. С. 42. См. также: *Горбатенко С.* Новый Амстердам. С. 142.
138. *Неплюев И.И.* Записки // Сын отечества, 1825. Кн. 21. С. 439.
139. *Gool van J. De Nieuwe Schouburg*. Т. I. P. 301. В книге Т.В. Ильиной и С.В. Римской-Корсаковой об Андрее Матвееве (1984) помещены на с. 46–47 фотографии этих портретов Петра и Екатерины. Сами портреты находились на тот момент в частной коллекции в США.
140. *Ibid.* Т. II. P. 429–430.
141. *Weyerman J.C. De Levens-beschryvingen der Nederlandsche Konst-schilders...* Vol. IV. P. 12–13. То, что Петр, позируя художникам, часто вел себя нетерпеливо и беспокойно, известно и из других источников, например из описания того, как создавал его портрет в 1698 г. английский живописец Годфри Неллер (*Богословский М.М.* Петр I. Т. 2. С. 583).
142. История швейцарской войны. С. 612.
143. Сборник выписок из архивных бумаг. Т. II. С. 82.
144. Портрет петровского времени. Л., 1973.
145. *Ильина Т.В., Римская-Корсакова С.В.* Андрей Матвеев. С. 58.
146. Цит. по: *Дриссен Й.Й.* Царь Петр и его голландские друзья. С. 46.
147. *Gool van J. De Nieuwe Schouburg...* Т. II. P. 181–182.
148. *Ibid.* P. 184–185.
149. *Beer de A. Henriëtta van Pee.*
150. Сборник выписок из архивных бумаг. Т. II. С. 58: «на заплату за новой тестамент в Гаге».
151. *Het Nieuwe Testament, ofte alle boecken des nieuwen verbondts onses Heeren Jesu Christi. Gedrukt door last van Zyn Czaarse Majesteyt Petrus den Eersten, Keyser van Groot en Kleyn Russlandt. Enz. enz. enz.'s Gravenhage, 1717.*
152. *Thomson F. The Slavonic Translation of the Old Testament*. P. 691–692.
153. *Arnold Th.J.I. De «Bijbel van czaar Peter».*
154. *Kossmann E.F. De boekhandel te 's Gravenhage tot het einde van de 18^e eeuw // Bijdragen tot de Geschiedenis van den Nederlandschen Boekhandel. Deel XIII. Amsterdam, 1937. P. 105–111.*

155. *Штелин фон Я.* Подлинные анекдоты Петра Великого... Часть 2. М., 1830. С. 50.
156. *Трифанкова Ю.В.* Б.И. Куракин. С. 5. Автор цитирует Голикова (*Голиков И.И.* Деяния Петра Великого... Т. V. С. 286–287), но тот сообщает лишь о факте издания Библии на двух языках, а не о заслугах Куракина в этом деле.
157. *Sturm L.Ch.* Le Véritable Vauban, se montrant au lieu du faux Vauban qui a couru jusqu'ici par le monde, et enseignant par le moien d'une arithmétique et d'une géométrie courte et aisée non seulement les règles pour tracer proprement cette manière célèbre de fortifier, mais aussi ses maximes fondamentales... La Haye, 1708. Вторая книга была, вероятно, наставлением королевскому садовнику: *La Quintinie de J.-B.* Instructions pour les jardins fruitiers et potagers. Paris, 1695. Третья — *Fournier F.* Histoire du commerce et de la navigation des anciens. Paris, 1716.
158. *Schijnvoet S.* Kort-bondige zin-spreuken en zeede-lessen. Amsterdam, 1698; *Sweerts H.* Koddige en ernstige opschriften. Amsterdam, 1700; *Le Roy J.* Brabantia illustrata. Vol. I–III. Leiden, 1705; *Rogissart de A. e.a.* Les Délices de l'Italie. Vol. I–IV. Leiden, 1709.
159. См. описание книжного собрания Петра: Библиотека Петра I. Указатель-справочник. Л., 1978. В книге расходов упомянуты «Делиции Гишпаний» (Сборник выписок из архивных бумаг. Т. II. С. 31).
160. Сборник выписок из архивных бумаг. Т. II. С. 77. Вероятно, речь идет о книге: *Merian M.S.* Der rupsen begin, voedzel en wonderbaare verandering... Amsterdam, 1713–1717. Правда, это издание насчитывает не два, а три тома.
161. РГАДА. Ф. 9, Оп. 1. Д. 11. 1717 г. Л. 19об.
162. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений. Т. 4. М., 1954. С. 6–11.